

ОТ АВТОРА РОМАНА «ФАНАТКА»

РЕЙНБОУ РАУЭЛЛ

ВЕРНОСТЬ

РОМАН

Прекрасная смесь романтики
и тонкого юмора.
Роман Рауэлл захаровывает.

Chicago Tribune

Рейнбоу Рауэлл
Верность

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Рауэлл Р.

Верность / Р. Рауэлл — «Азбука-Аттикус», 2011

Удивительно умная и трогательная история о том, как влюбиться в человека, рядом с которым чувствуешь себя собственной улучшенной версией. Даже если этого человека никогда не видел. Бет и Дженнифер работают в газете «Курьер» и знают, что вся их электронная переписка прочитывается. Но все равно они целыми днями пишут друг другу, перемывают кости друзьям и знакомым, откровенно делятся проблемами в своей жизни. Читать чужие письма – служебная обязанность Линкольна, сотрудника отдела интернет-безопасности. Когда он устраивался на работу, то воображал, что будет защищать газету от зловредных хакеров, а не отправлять предупреждение всякий раз, как какой-нибудь сотрудник «Курьера» опустит соленую шуточку в адрес коллеги. Линкольн должен пресекать любое использование электронной почты в неслужебных целях, однако он не может побороть искушение и следит за перепиской Бет и Дженнифер. Это чтение затягивает его. Но когда Линкольн понимает, что по уши влюбляется в Бет, уже слишком поздно даже представляться. Что он ей скажет? «Здрате, я читаю твою электронную почту и, кстати, я тебя люблю...»? Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Рауэлл Р., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	31
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	45
Глава 16	51
Глава 17	52
Глава 18	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рейнбоу Рауэлл

Верность

Rainbow Rowell
ATTACHMENTS
Copyright © 2011 by Rainbow Rowell
All rights reserved

© Т. Камышникова, перевод, 2016
© О. Кучма, иллюстрация на обложке, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство Иностранка®

* * *

Каю, который невероятнее любого вымысла

Глава 1

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонд

Дата: Среда, 18.08.1999, 9:06

Тема: Ты где?

Ты не умрешь, если выберешься ко мне с утра? Я тут сижу в развалинах собственной жизни, а ты... ты, наверное, еще только проснулась. Жуешь овсянку и смотришь ток-шоу Салли Джесси Рафаэль. Черкни мне на почту, когда раскachaешься, перед тем как примешься за дела. Комиксы даже не читай.

«**Бет – Дженнифер**» Ладно, сначала ты, потом комиксы, только давай по-быстрому. Мы тут с Дерексом спорим, в Канаде или нет происходит дело в «К лучшему или к худшему», и сегодня, может быть, они докажут, что права я.

«**Дженнифер – Бет**» По-моему, я забеременела.

«**Бет – Дженнифер**» Что?! С чего ты взяла?

«**Дженнифер – Бет**» В субботу я три раза заказывала выпивку.

«**Бет – Дженнифер**» Похоже, нам нужно поговорить о птичках и пчелках. Вообще-то, там немного по-другому все происходит.

«**Дженнифер – Бет**» Стóит мне перебраться – и я сразу чувствую себя так, будто забеременела. Видимо, это потому, что я вообще не пью, и мне кажется – только позволишь разок, так сразу... Три часа слабины, и всю жизнь потом сражайся с особыми потребностями жертвы пьяного зачатия.

«**Бет – Дженнифер**» Они, по-моему, как-то по-другому называются.

«**Дженнифер – Бет**» У него будут такие маленькие, широко расставленные глазки, и все в магазине будут пялиться на меня и шептаться: «Посмотри только на эту пьянь. Все девять месяцев не могла с бутылкой „Зимы“ расстаться. Вот трагедия-то!»

«**Бет – Дженнифер**» Ты «Зиму» пьешь?

«**Дженнифер – Бет**» Она хорошо освежает.

«**Бет – Дженнифер**» Нет, ты не забеременела.

«**Дженнифер – Бет**» Не нет, а да. Дня за два перед месячными у меня на морде вылезают противные такие прыщи. А сейчас лицо чистое, как у младенца попка. И прыщей никаких нет. А вот странное какое-то ощущение в районе матки есть. Как будто он уже там...

«**Бет – Дженнифер**» Позвони-ка на какую-нибудь медицинскую «горячую линию» и скажи, что у тебя странные ощущения в районе матки...

«**Дженнифер – Бет**» Факт: беременности я пугаюсь не в первый раз. Если честно, то перед месячными я почти всегда этого боюсь. Но сейчас все по-другому, точно. Я себя как-то не так чувствую. Тело будто шепчет мне: «Вот оно... Началось».

Я все волнуюсь, что будет дальше. Начнет тошнить, затем разнесет, а потом я умру от аневризмы в родилке.

«**Бет – Дженнифер**» Или... родишь красивого ребеночка, – видишь, как я поддаюсь твоим беременным фантазиям?

«**Дженнифер – Бет**» Или... рожу красивого ребеночка, которого даже не увижу, ведь он целыми днями будет в детском саду, с какой-нибудь нянькой, получающей гроши. Ее он и станет считать своей мамой. Когда вечером он заснет, мы с Митчем сядем за ужин, но сил уже не будет. Я дремлю, пока он рассказывает мне, как прошел у него день, а он и рад, потому что говорить не очень-то любит. Он молча жует свой гамбургер и думает о новой учительнице, которая в старших классах ведет семейную экономику. На ней всегда высокие

черные шпильки, колготки телесного цвета и юбки из искусственного шелка, шуршащие при каждом шаге и задирающиеся выше колен, стоит ей только сесть.

«**Бет – Дженнифер**» А Митч о чем думает? Ну, о том, что у тебя в матке что-то есть, а не о новой учительнице семейной экономики.

«**Дженнифер – Бет**» Он думает, что мне надо пройти тест на беременность.

«**Бет – Дженнифер**» Молодец! Наверное, такой здравомыслящий тип, как Митч, подошел бы учительнице домоводства, только от нее фиг бы он дождался гамбургеров на ужин. Но, мне кажется, он все равно останется с тобой, тем более что теперь на горизонте этот ребенок с особыми потребностями.

Глава 2

– Линкольн, у тебя ужасный вид.

– Спасибо, мама.

Хочешь не хочешь, а приходилось верить ей на слово. Сегодня он еще не смотрелся в зеркало. И вчера тоже. Линкольн протер глаза, запустил пятерню в волосы, чтобы хоть как-то их пригладить или, наоборот, приподнять. Накануне вечером, после душа, можно было бы и причесаться.

– Серьезно, ну посмотри на себя. И на часы посмотри. Двенадцать уже! Ты что, сейчас только встал?

– Мам, я раньше часа ночи с работы не прихожу.

Мать нахмурилась, протянула ему ложку со словами: «Помешай-ка фасоль» – и, включив миксер, заговорила громче, перекрывая его шум:

– Вот не понимаю, что это за работа такая, которую нельзя делать днем? Нет, не так! Ну что ты их гладишь? Мешай, мешай хорошенько!

Линкольн быстрее закрутил ложкой. В кухне сильно пахло ветчиной, луком и чем-то непонятным, сладким. В животе бурчало.

– Я же тебе говорил, – громко ответил он, так, чтобы ей было слышно, – кто-нибудь должен там сидеть. Вдруг с компьютером что-то случится или там... ну, не знаю...

– Чего не знаешь? – Мать выключила миксер и взглянула прямо на него.

– Может быть, меня поставили работать в ночь, чтобы я с кем-нибудь не столкнулся.

– Как это понять?

– Ну, если я с кем-нибудь познакомлюсь... то, может...

– Мешай. Говори и мешай.

– Если я с кем-нибудь познакомлюсь, – продолжил Линкольн, – то не смогу спокойно нарушать правила.

– Мне совсем не нравится, что ты читаешь чужую почту. Особенно по ночам, когда никого нет. Пусть другого кого-нибудь на твое место ставят. – Она попробовала пальцем то, что перемешивала миксером, и, протянув ему чашку, сказала: – На, попробуй. Ну и мир у нас, если даже это – карьера!

Линкольн провел пальцем по кромке чашки. Сироп.

– Попробуешь кленовый сироп?

Он кивнул.

– Там не совсем уж никого нет. Люди по ночам работают, готовят новый выпуск.

– Ты с ними разговариваешь?

– Нет. А вот почту их читаю.

– Нехорошо. Как люди могут свободно общаться в таком месте? Когда понимаешь, что кто-то посторонний знает все, что ты думаешь.

– Кто что думает – меня не волнует. Меня волнуют их компьютеры, вернее, компьютеры компании. Все знают, что это...

Матери без толку это объяснять. Она и почты-то электронной ни разу в глаза не видела.

– Давай ложку, – вздохнула мать, – только все портишь.

Линкольн передал ей ложку и сел у стола, рядом с блюдом, на котором дымился свежий кукурузный хлеб.

– У нас тут один работал почтальоном, – начала мать. – Помнишь? Он еще открытки наши читал. И всегда этак многозначительно говорил: «Ваш знакомый, стало быть, хорошо в Южной Калифорнии отдыхает». Или там: «А я вот в Маунт-Рашморе никогда не был». На почте, наверное, все открытки читают. Ну все, кто на почте работает. Нудная у них работа.

Но этот прямо гордился – так, что противно было. Он, видимо, и соседям раззвонил, что я подписываюсь «миссис».

– У нас не так, – ответил Линкольн и снова потер глаза. – Я читаю, только чтобы проверить, не нарушают ли они правила. Это не то, что я их дневники читаю или что-то в таком роде...

Мать не слушала.

– Есть хочешь? Похоже, да. Заморенным выглядишь, если уж правду говорить. Дай-ка тарелку.

Линкольн поднялся за тарелкой, передал ее матери, а та, вдруг цепко схватив его за запястье, спросила:

– Линкольн, а что это у тебя с руками?

– Ничего...

– А пальцы почему серые?

– В чернилах.

– В каких еще чернилах?

Когда в старших классах Линкольн подрабатывал в «Макдоналдсе», он не мог отделаться от растительного масла. Вечером, после работы, ему казалось, что он весь в масле – как ладони бывают в масле, когда ешь картофель фри. Кожа была в масле, волосы тоже. Наутро, потев, он пачкал маслом и школьную форму.

В «Курьере» повсюду были чернила. Серая пленка затягивала все, мойся не мойся. Серая пыль оседала на стенах, затянутых тканью, и на поглощающих шум потолочных плитках.

Ночные редакторы почти всегда хватали оттиски горячими, прямо со станков. Серые отпечатки пальцев испещряли клавиатуры и столы. Линкольну казалось, что они походят на кротов: серьезные такие люди в очках с толстыми линзами и серой кожей. «Это потому, что свет здесь такой», – думал Линкольн. На улице, при солнечном свете, он, наверное, их даже не узнает.

И они его, конечно, тоже не узнают. Линкольн почти не выходил из своего отдела информационных технологий – закутка под лестницей. Тысячу лет назад здесь была фотолаборатория, а теперь, при полном свете, среди компьютерных серверов, казалось, что сидишь внутри больной головы.

Линкольну нравилось, когда его вызывали наверх – перезагрузить компьютер или разобраться, почему вдруг принтер закапризничал. Новостной отдел был широкий, просторный, с окном вместо одной стены, и почти всегда там кто-нибудь да был. Ночные редакторы сидели допоздна, как и он. Они собирались в одном углу комнаты, там, где стоял ряд телевизоров. Две, совсем молодые и очень хорошенькие, всегда сидели вместе у принтера. Линкольн решил про себя, что можно быть и хорошенькой, и одновременно похожей на крота. Любопытно, когда те, что работают ночью, бегают на свидания – днем, что ли?

Глава 3

От: Бет Фремонт

Кому: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Дата: Пятница, 20.08.1999, 10:38

Тема: Совсем не хочу спрашивать, только...

Мы что, закончили притворяться, что ты залетела?

«Дженнифер – Бет» Не сорок недель. Сейчас, наверное, тридцать восемь.

«Бет – Дженнифер» Что же теперь, мы ни о чем другом говорить не можем?

«Дженнифер – Бет» Наоборот, нам очень нужно поговорить о чем-нибудь другом.

Я стараюсь на этом не заикливаться.

«Бет – Дженнифер» Хороший план.

Так. Ну вот... Вчера младшая сестра звонила. Она выходит замуж.

«Дженнифер – Бет» А ее муж не возражает?

«Бет – Дженнифер» Это другая – Кайли. Ты знаешь ее друга, то есть жениха, Брайана.

Вы познакомились у моих родителей в День памяти. Помнишь? Мы еще прикалывались над татуировкой у него на лодыжке – «Сигма Чи»...

«Дженнифер – Бет» Брайан, точно. Помню. Он нам понравился, да?

«Бет – Дженнифер» Не то слово. Он потрясающий. Вот с таким, мечтаешь, и познакомится дочь на какой-нибудь там вечеринке с «Маргаритой».

«Дженнифер – Бет» Опять шуточки насчет пьяного зачатия? Эта свадьба – ошибка твоих родителей. Назвали ребенка Кайли. Ей судьба – выйти за подтянутого, аккуратного студента подготовительного курса медицинского факультета.

«Бет – Дженнифер» Юридического. Но Кайли надеется, что рано или поздно он возьмет в свои руки папину компанию сантехники.

«Дженнифер – Бет» Бывает хуже.

«Бет – Дженнифер» Но реже.

«Дженнифер – Бет» А-а, извини! Не сообразила, что это не радостная новость. Что Крис сказал?

«Бет – Дженнифер» Что и всегда. Что Брайан – дурак. А Кайли слишком прислушивается к Дейву Мэтьюсу. И еще сказал: «У меня сегодня репетиция, так что не жди, эй, дай мне вон тот диск с альбомом „Zig-Zags“. А на свадьбу идешь? Круто, я хотя бы увижу тебя в платье, как у Скарлетт О’Хара. Ты же подружка невесты? А запись слушала, которую я тебе оставил? Денни говорит, я забиваю все его басы, но ведь так лучше!»

А потом сделал предложение. В «Бизарро уорлд».

На самом деле от Криса предложения в жизни не дождешься. И вот не пойму, то ли он дурак, то ли я дура, что так сильно хочу этого. Я не могу даже заговорить с ним об этом, в смысле, о браке, потому что он ответит, что очень этого хочет. И как можно скорее. Как только, так сразу. Вот только группа заиграет по-настоящему. Скажет, что не хочет от меня зависеть, не хочет, чтобы я за него платила.

Только не говори мне, будто я и так за него плачу, ведь это не совсем правда.

«Дженнифер – Бет» Не совсем? А за квартиру кто платит?

«Бет – Дженнифер» Ну, я. Ведь и так бы платила. Если жила бы одна, все равно платила бы за свет, за газ, за все остальное. Даже если он съедет, я ничего не сэкономлю.

И я не против сейчас платить за все, да и дальше тоже, когда поженимся. Отец всегда платил по счетам матери, и никто не называет ее паразиткой.

Да и не в том дело, кто за что платит. А в том, чтобы поступать как взрослые. У друзей Криса нормально жить с подружкой, пока они работают над демозаписью. Ты бренчишь что-нибудь на гитаре, а жена на работе – куда это годится!

Если у тебя есть жена, значит ты взрослый. А взрослым Крису не хочется быть. Может, и мне этого не хочется.

«**Дженнифер – Бет**» А чего же тебе тогда хочется?

«**Бет – Дженнифер**» Больше всего? Наверное, длинноволосого ненормального музыканта. Чтобы будил в два часа ночи и читал стихи, которые написал прямо у тебя на животе. Чтобы глаза у него сияли, как стекла в калейдоскопе.

«**Дженнифер – Бет**» Если Крис найдет настоящую работу, вряд ли от него дождешься стихов в два часа ночи.

«**Бет – Дженнифер**» Точно.

«**Дженнифер – Бет**» Так ты как, нормально?

«**Бет – Дженнифер**» Нет. Мне надо влезть в еще одно платье подружки невесты. Без бретелек. Кайли уже выбрала. А мне совсем не клево. Но ныть не надо, правда ведь? Я хочу его. А он предпочитает подождать. Но я все равно хочу его. Так что нечего мне ныть.

«**Дженнифер – Бет**» Да что тут такого? Это ведь не запрещено. Но хорошее тоже есть – ты не залетела.

«**Бет – Дженнифер**» Ты тоже. Пройди тест на беременность.

Глава 4

Если уж честно говорить – совсем-совсем честно, – Линкольн никогда бы не ответил на объявление, в котором говорилось: «Требуются специалисты по чтению чужой электронной почты. Скользящий график».

Объявление же «Курьера» гласило: «На полную ставку требуется специалист по интернет-безопасности. Заработная плата 4 тысячи долларов в месяц. Оплата медицинских услуг, стоматологии».

Специалист по интернет-безопасности... Линкольн уже представлял, как строит брандмауэры, чтобы защитить газету от зловредных хакеров, а не рассылает предупреждения всякий раз, когда кто-нибудь из бухгалтерии пересылает сомнительную шуточку в соседний кабинет.

«Курьер», наверное, последним из американских газет разрешил своим сотрудникам выходить в Интернет. По крайней мере, так утверждал Грег – глава отдела информационных технологий, начальник Линкольна. Он еще застал времена, когда репортеры строчили на электрических пишущих машинках. «Помню, – говаривал Грег, – ведь это совсем недавно было – в девяносто втором году. Мы и на компьютеры-то перешли, потому что ленту больше нигде было покупать – пропала, на фиг!»

Грег рассказывал, что руководство сильно противилось введению Интернета. Казалось, стоит его разрешить – и сотрудники начнут трудиться спустя рукава, предпочитая работе всякую порнуху.

Но обходиться без Интернета становилось уже смешно.

Когда в прошлом году газета запустила-таки свой сайт, репортеры не могли даже выйти в онлайн, чтобы прочесть собственные статьи. А читатели желали общаться с редакцией исключительно по электронной почте – почти все, от учеников начальной школы до ветеранов Второй мировой.

Когда Линкольн пришел в «Курьер», эксперимент с Интернетом шел уже третий месяц. Каждый сотрудник обзавелся внутренней электронной почтой. Высшее руководство и многие в отделе новостей получили хоть ограниченный, но все же доступ в Интернет.

Спросить Грегa – все шло лучше некуда.

Спросить какого-нибудь начальника – сплошной хаос.

Делали покупки, обменивались сплетнями, сидели на онлайн-форумах, сражались в виртуальных футбольных лигах. Бывало, играли даже на деньги. Не обходилось и без грязи. «Но это не так уж плохо, – утверждал Грег, – сразу видишь ненормальных».

Начальники Грегa были твердо уверены: самое плохое в Интернете то, что теперь нельзя понять, то ли весь кабинет усердно трудится за компьютерами, то ли проходит тест «Какая вы собака?».

И вот появился Линкольн.

В самую первую ночную смену парень помогал Грегу загружать в сеть новую программу под названием WebFence. Она умела следить за тем, кто что делает в Интернете и Интранете. За каждым электронным письмом. За каждым сайтом. За каждым словом.

А Линкольн должен был следить за WebFence.

Кто-то морально озабоченный – может, и сам Грег – уже успел настроить почтовые фильтры. Красными флажками помечались ругательства, упоминания о расе, имена и фамилии начальства, слова вроде «секретный» и «ДСП».

Это последнее сокращение на целый час тормозило работу WebFence, потому что программа начинала усердно помечать флажками и сохранять каждое входящее и исходящее письмо отдела рекламы.

Программа помечала и большие приложения, подозрительно длинные сообщения или подозрительно частые. Каждый день сотни потенциально вредоносных посланий отправлялись в спам, а Линкольн должен был проверять каждое. Проверять – иначе говоря, читать. Вот он и читал, только это совсем ему не нравилось.

Матери он не мог в том признаться, но Линкольн чувствовал, что это очень нехорошо – все равно что подслушивать чужие разговоры. Вот если бы он был из тех, кто без этого жить не может... Его подруга Сэм – теперь уже бывшая – всегда лазила в чужие аптечки. «Робитуссин – это от кашля, – докладывала она, когда они ехали обратно домой, – лейкопластыри, но не фирменные. И что-то вроде давилки для чеснока».

Линкольн не то что лазить в чужие аптечки – даже заходить в чужие ваннные комнаты терпеть не мог.

Предполагалось, что, выследив злостного нарушителя правил «Курьера», он должен будет выполнить сложную процедуру. На самом деле все сводилось к письменному предупреждению: это была главная карательная мера.

Первый же опыт возымел нужное действие, и у Линкольна стало заметно меньше дела. WebFence старательно метила флажками по несколько десятков писем в день, но по большей части тревога оказывалась ложной. Грег не особо напрягался.

– Не переживай ты, – сказал он Линкольну в день, когда бдительный WebFence не засек ни одного нарушителя. – Никто тебя не уволит. Наверху нравится то, что ты делаешь.

– Да ничего я не делаю, – возразил Линкольн.

– Как не делаешь? Ты читаешь их почту. Они тебя боятся.

– Кто боится? Какие «они»?

– Да все. Не доходит, что ли? Везде только о тебе и разговор.

– Это не меня боятся. Это боятся, как бы не попасть.

– Но ведь ты же их ловишь. Знают, что ты каждую ночь открываешь папку «Отправленные», вот и соблюдают правила.

– Да не открываю я папок.

– Но ведь можешь, – парировал Грег.

– Я?

Грег вернулся к своему занятию – что-то вроде вскрытия ноутбука.

– Линкольн, я тебе сказал: все равно кому-то нужно здесь сидеть ночью. Кто-то должен поднимать трубку и говорить: «Компьютерная помощь». Я знаю, что ты просто так сидишь. Знаю, работой ты не завален. Меня это не колышет. Решай кроссворды. Учи иностранный язык. У нас тут девушка одна вообще крючком вязала.

Линкольн не умел вязать крючком.

И вот он читал газету. Приносил с собой комиксы, журналы, книжки в бумажной обложке. Звонил сестре, когда было не очень поздно или когда было совсем уж одиноко.

А чаще всего зависал в Сети.

Глава 5

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонт

Дата: Среда, 25.08.1999, 10:33

Тема: Всего лишь тест. На всякий пожарный случай

Дела. Возвращайся к своему программированию.

«**Бет – Дженнифер**» Какие дела?

«**Дженнифер – Бет**» Сама знаешь... Дела, когда ты не беременна.

«**Бет – Дженнифер**» Дела? Месячные, что ли? Это которые пять-семь дней? Правильно?

Почему ты так пишешь, как будто прокладки рекламируешь?

«**Дженнифер – Бет**» Стараюсь быть осторожнее. Не хочу видеть эти красные флажки и сводить с ума дежурный компьютер компании только потому, что написала об этом.

«**Бет – Дженнифер**» Представить себе не могу, что красным флажком можно пометить менструацию.

«**Дженнифер – Бет**» Так она тебя не волнует?

«**Бет – Дженнифер**» Твоя менструация?

«**Дженнифер – Бет**» Да нет! Записка, которую нам разослали. Нас же предупредили не писать личных писем. Уволят, если будем пользоваться компьютером не по назначению.

«**Бет – Дженнифер**» Волнует ли меня, что какие-то там плохие ребята из «Трона» читают нашу почту? Нет, мне наплевать. Такие, как мы, безопасность не интересуют. Они всяких извращенцев ловят. Ну, там кто порнуху смотрит онлайн, в «двадцать одно» режется, шпионит в компаниях.

«**Дженнифер – Бет**» Это все, наверное, помечается красными флажками. Извращенцы, порнуха, шпион. Могу поспорить, красный флажок тоже отметят красным флажком.

«**Бет – Дженнифер**» Мне все равно, читают наши письма или нет. Да заводись ты, «Трон»! Наверняка ведь заводисься. Попробуй лиши меня свободы слова! Я ведь журналист. Борец за свободное слово. Я служу в армии Первой поправки. Я работаю здесь не потому, что мне мало платят, а медицинская страховка мизерная. Я работаю за дело правды, за солнечный свет, за кастинг при открытых дверях!

«**Дженнифер – Бет**» Борец за свободное слово... Ясно. И за что же ты борешься? За право дать фильму «Билли Мэдисон» пять звезд?

«**Бет – Дженнифер**» Да ладно тебе... Я не всегда была бешеным фанатом кино. Помнишь, как я два года рассказывала о съемках в Северном Хавербруке? Два года в окопах. Я весь этот пригород чернилами залила. Чуть Боба Вудворда за задницу не схватила.

И вообще, я бы «Билли Мэдисону» и шесть звезд дала. Ты знаешь мои чувства к Адаму Сэндлеру. Я дала бы бонусные звезды за песни «Styx» и две звезды, если это «Renegade».

«**Дженнифер – Бет**» Хорошо, сдаюсь. Чертова политика безопасности! Вчера вечером у меня начались месячные.

«**Бет – Дженнифер**» Громче, громче! Поздравляю!

«**Дженнифер – Бет**» Да, и вот...

«**Бет – Дженнифер**» Что – вот?

«**Дженнифер – Бет**» Когда все началось, мне не стало легче, как обычно, и не захотелось «Зимы».

В смысле, мне стало легче. Я только что пила «Зиму» и, кажется, за последние полгода не брала в рот ничего с фолиевой кислотой. Я, может, даже ела то, что вымывает фолиевую кислоту из организма, так что мне и правда стало легче, но я не сошла с ума от радости.

Я спустилась вниз и сказала Митчу. Он корпел над диаграммами ударных, я не стала бы ему мешать, но тут был особый случай.

«Так, к сведению, – сказала я, – у меня месячные начались». Он отложил карандаш и протянул: «А-а...»

Вот прямо так: «А-а...»

Когда я спросила, почему он так выразился, он ответил, что подумал, будто я наконец забеременела и это было бы здорово.

«Ты же знаешь, я хочу детей», – добавил он. «Ага, – ответила я. – В отдаленной перспективе». – «Не в такой уж отдаленной», – возразил он. «Ну и не в ближайшей. Когда будем готовы».

И Митч снова уткнулся в свои диаграммы. Не рассердился, не вскипел. Просто загрустил, что гораздо хуже. Тогда я сказала: «Когда будем готовы, да?» А он ответил: «Я-то готов. С прошлого года готов, Дженни, а теперь вот начинаю думать, что ты никогда не будешь готова. Ты даже не хочешь готовиться. Ты относишься к беременности, как будто это зараза, которую можно подхватить в общественном туалете».

«Бет – Дженнифер» А ты что?

«Дженнифер – Бет» А что я? Не готова я. Может, я его каждый раз сбивала с толку, когда говорила «в отдаленной» или «в ближайшей». Не могу представить себя с детишками.

Но и замужем я себя не могла представить, пока не познакомилась с Митчем. Мне всегда казалось, что мысль о детях должна у меня созреть, что я заражусь здоровыми страстями Митча и однажды утром проснусь с мыслью: «В этот прекрасный мир так прекрасно принести ребенка!»

А что, если этого никогда не будет?

Если он решит разом все обрубить и найдет совершенно нормальную женщину, а она – само собой, тонкая, стройная, без понятия, что такое антидепрессанты, – тоже захочет от него ребеночка, и как можно скорее?

«Бет – Дженнифер» Барби в состоянии перманентной овуляции.

«Дженнифер – Бет» Вот-вот.

«Бет – Дженнифер» Учительница семейной экономики в старших классах.

«Дженнифер – Бет» Ага!

«Бет – Дженнифер» Этого не будет.

«Дженнифер – Бет» Почему?

«Бет – Дженнифер» Потому же, почему Митч каждый год пробует вырастить огромные тыквы, пусть даже садик у вас крошечный, там одни жуки, а солнца нет. Митч не ищет легких путей. Он готов потрудиться, лишь бы получить то, что хочет.

«Дженнифер – Бет» Дурак, значит. Дурак – семена свои раскидывает, а без толку.

«Бет – Дженнифер» Не в этом дело. Дурак, а в тебя верит.

«Дженнифер – Бет» Не знаю, права ли ты, но, по-моему, мне стало чуть получше. Успехов в труде.

«Бет – Дженнифер» Пиши в любое время – в смысле, примерно после пол-одиннадцатого утра, ладно?

«Дженнифер – Бет» Ладно.

Глава 6

В справочнике компании было написано, что Дженнифер Скрибнер-Снайдер работает редактором художественного отдела.

Кто такая Бет Фремонт, Линкольн знал. Лучше сказать, знал о ней. Он читал ее обзоры фильмов. Она прикольно писала, и обычно вкусы у них совпадали. С ее подачи Линкольн посмотрел «Темный город», «Не будите спящую собаку» и «Бэйб – четвероногий малыш».

Когда Линкольн все же вспомнил, что не послал предупреждение Бет Фремонт и Дженнифер Скрибнер-Снайдер – а сколько там у них запретных слов набежало? Три? Или уже пять? – то никак не мог понять, почему он этого не сделал. Может, потому, что не всегда соображал, какое правило они нарушают. Может, потому, что болтовня их казалась безвредной. И даже милой.

А теперь он не мог послать им предупреждение – по крайней мере, не сегодня вечером. Не тогда, когда они и правда волновались, что получают такое предупреждение. Это было бы чересчур, разве нет? Зная, что кто-то прочитал твое письмо насчет того, что кто-то читает твою почту? Если бы ты был настоящим параноиком, то задумался бы: значит, все, из-за чего тебя трясет, тоже правда! И подумал бы: «А может, все они против меня?»

Линкольн не хотел быть плохим парнем из «Трона».

А еще... А еще ему вроде как нравились и Бет, и Дженнифер – ну, настолько, насколько могут нравиться люди, если судить по их электронным письмам – вернее, только по некоторым из них.

Линкольн еще раз пробежался по переписке. Так-с... «Задницу» точно надо было помечать красным флажком. «Двадцать одно» и «порнуху» – тоже. А вот насчет «извращенца» и «менструации» он не был уверен.

Он почистил папки и отправился домой.

– Да не обязательно давать мне обед, – сказал Линкольн матери.

Хотя ему нравилось, когда она это делала. С тех пор как он снова стал жить дома, Линкольн почти совсем отказался от фастфуда. У матери на кухне все время что-нибудь запекалось, жарилось, тушилось или охлаждалось. Стоило ему выйти из кухни, она совала ему в руки пластиковый контейнер с чем-нибудь.

– Не обед, – возразила она, – а ужин.

– Да не обязательно же, – повторил Линкольн.

Ему, в общем-то, нравилось жить с матерью, но есть же варианты такой жизни. И он был твердо уверен, что готовить для него каждый раз – это уж слишком. Весь день строился у матери вокруг того, как и чем бы накормить сына.

– Я же себя не принуждаю, – ответила она и дала ему сумку с тяжелой стеклянной кастрюлей, в которой что-то шипело.

– Это что ты приготовила? – спросил он. Из кастрюли пахло корицей.

– Курицу тандури. По-моему. Ну, у меня, конечно, нет ни этого тандури, ни тандура – точно не знаю, как он там правильно называется, – и йогурта было маловато, а они ведь кладут йогурт – кажется, так? Я сметаны положила. И паприки добавила. Может, это гуляш с курицей получился. Да знаю я, что необязательно готовить тебе обед. Но мне хочется. Мне спокойнее, когда ты ешь настоящую еду, не что-нибудь там из забегаловки. Я и так за тебя волнуюсь, переживаю, что ты мало спишь и совсем не бываешь на солнце.

– Сплю я, мам.

– Днем. А мы созданы, чтобы просыпаться с рассветом, впитывать витамин D, а ночью, когда темно, ложиться спать. Когда ты был совсем маленький, я тебе не разрешала засыпать даже с ночником, помнишь? Это как-то связано с выработкой мелатонина.

– Ладно, – ответил Линкольн. Вряд ли он переспорил ее хоть раз в жизни.

– Ладно? Что значит «ладно»?

– «Ладно» значит «я тебя слушаю».

– А... Ну тогда ничего это не значит. Возьми курицу, хорошо? Съешь?

– Съем, честное слово. – Линкольн прижал сумку к груди и улыбнулся. Хотелось выглядеть так, чтобы матери не стоило так уж за него волноваться. – Съем, конечно. Спасибо.

Грег уже ждал Линкольна, когда тот зашел в отдел. Из-за серверов там всегда было на несколько градусов холоднее, чем на улице. Казалось бы, здорово, отлично освежает. А на самом деле воздух был не приятно прохладным, а казенно сухим.

– Послушай, Сенатор, – сказал Грег, – я тут думал о том, что ты мне на днях сказал, в смысле, что работы у тебя мало. Так я нашел тебе дело.

– Вот и отлично! – искренне обрадовался Линкольн.

– Займись-ка архивированием и сжатием всех пользовательских файлов за последние полгода, – предложил Грег, явно считая, что это великолепная мысль.

Линкольну так не показалось.

– А зачем вы мне это поручаете? – вырвалось у него. – Только время тратить...

– Я думал, это как раз то, чем ты хотел заняться.

– Я хотел... Я же хотел не чего-нибудь вообще. Мне неудобно получать деньги просто так, ни за что.

– Вот теперь будет удобно, – отозвался Грег. – Нашел же я тебе дело.

– Да, но архивировать и сжимать... Это ж тыщу лет можно делать. А толку – ноль.

Грег натянул ветровку и сунул под мышку несколько папок. Он сегодня уходил пораньше – нужно было везти ребенка к ортодонту.

– На тебя, Линкольн, не угодишь. Верно? Вот поэтому и женщины у тебя нет.

«Откуда он знает, что у меня нет женщины?» – удивился про себя Линкольн.

Весь вечер он усердно архивировал и сжимал файлы, просто так, чтобы позлить Грега. Пусть даже Грег не заметит, что все сделано, а уж тем более, что сделано со злорадством. Линкольн архивировал и сжимал с одной только мыслью – поквитаться. Он бы точно знал, как и что ответить, если бы в отдел вдруг зашел посторонний и сказал бы, что решено его уволить.

Только часов в десять он вспомнил о приготовленной матерью курице тандури.

С контейнера в бумажном пакете соскочила крышка, и на ковре под его столом натекла лужа ярко-рыжего соуса. Девушка, которая днем сидит здесь, – Кристи – уж точно не обрадуется. Она и так уже оставляла Линкольну записку с просьбой не есть за ее рабочим столом – крошки, видите ли, в клавиатуру попадают.

Линкольн отнес то, что осталось, в комнату отдыха на втором этаже. По вечерам там почти никто не бывал – редакторы перекусывали на рабочих местах, – но все-таки в компьютерном отделе совсем уж пусто. Линкольну нравились все торговые автоматы, а бывало, что в одно время с ним ели и уборщицы. Но только не сегодня. Сегодня не было ни единого человека.

В кои-то веки Линкольн даже обрадовался, что один. Он взял пластиковую вилку и устроился за угловым столиком. Разогреть курицу было неохота.

Вслед за ним в комнату вошли двое – мужчина и женщина. Они по-дружески о чем-то спорили.

– Доверяйте же нашим читателям побольше, – говорила женщина, помахивая в сторону мужчины свернутой в трубку спортивной страницей и склоняясь над кофемашиной.

– Не могу, – отвечал он. – Уж я их столько перевидал!

Мужчина был в заношенной белой рубашке и широком коричневом галстуке. Он будто не переодевался и не высыпался со времен президента Картера. Женщина казалась моложе его. Она ярко блестела глазами, стояла, широко развернув плечи, а длинные волосы опускались до середины спины. Женщина была слишком хороша, чтобы просто так глазеть на нее.

Все они были слишком хороши, чтобы просто так глазеть. Линкольн и не помнил, когда последний раз смотрел женщине прямо в глаза. Женщине – не матери. И не сестре Ив.

Пока Линкольн глядел в пол, не было риска случайно встретиться глазами. Он просто не переносил, когда – в лифте или в банке – наткнулся на какую-нибудь женщину глазами, а она тут же начинала прикидываться, будто ей это совсем не интересно. Однажды такое случилось на бензоколонке: Линкольн нечаянно взглянул на женщину и поспешил извиниться. Она притворилась, что не услышала, и отвела взгляд.

– Если ты ни с кем не встречаешься, – доставала его Ив, – я могу познакомить тебя с хорошими девушками-лютеранками. Настоящие лютеранки из Миссурийского синода.

– Обойдусь! – отрезал Линкольн. – Если хоть одна из твоих церковных подружек познакомится с мамой, то твоей репутации конец. С тобой рядом никто сидеть не захочет на библейских курсах.

Женщина в комнате отдыха рассмеялась и покачала головой.

– Все упорствуете, – произнесла она. Спор так увлек женщину, что смотреть можно было совершенно спокойно. На ней были линялые джинсы и мягкий зеленый жакет, который чуть задрался, когда она потянулась за кофе. Вся ее поясница была усыпана веснушками. Линкольн отвел глаза.

– Но ты же нормальный парень, Линкольн, – говорила ему сестра. – Ты же ходил на свидания. И девушка у тебя была. Нет в тебе никакого внутреннего дефекта, который мешал бы свиданиям.

– Это что – духоподъемный разговор? Чтобы я не заморачивался насчет внутреннего дефекта?

Линкольн ходил на свидания. И девушка у него когда-то была. И поясницу женскую он видел. Бывало, и он стоял на концертах, на футболе, на вечеринках, положив ладонь на женскую поясницу, на поясницу Сэм, и его пальцы скользили ей под свитер. Для него в этом было что-то совсем интимное – вот так касаться ее, когда никто не обращает внимания.

Не было в Линкольне никакого внутреннего дефекта. Три года назад он ходил на свидание. Подруге сестры понадобился приятель, чтобы было с кем пойти на свадьбу. Она весь вечер отплясывала с одним из друзей жениха, который оказался ее троюродным братом, а Линкольн съел ровно тринадцать мятных печений с кремом.

Он не боялся снова пойти на свидание – это точно. Просто не мог себе этого хорошенько представить. Он представлял себя в уютном месте, представлял, как его рука ложится на поясницу... Но сама встреча, усилия, чтобы понравиться девушке... В этом Линкольн был полный ноль.

– Не верю, – возразила Ив. – Встречался же ты с Сэм, сумел сделать так, что она в тебя влюбилась.

А он, вообще-то, не встречался. Он и не замечал Сэм, пока она не начала тыкать пальцем ему в плечо на уроке географии в десятом классе.

– У тебя такая хорошая осанка, – сказала тогда Сэм. – А ты знаешь, что у тебя на шее, внизу, родинка? Я так давно уже на эту родинку смотрю, – продолжала она. – Если бы вдруг что-то случилось, я бы тебя по этой родинке опознала. Если, конечно, ты шею сильно не повредишь.

Линкольн вспыхнул. На другой день Сэм сообщила, что от него пахнет персиками. Сказала она это громко. И смешно, но не так смешно, как громко. Сэм, нисколько не смутившись, посмотрела ему прямо в глаза – при всех! – и сказала: «Нет, ну правда, Линкольн, от тебя персиками пахнет!» И засмеялась, а он опять вспыхнул.

Ей нравилось смущать его. Нравилось, что у нее это получается.

Когда Сэм пригласила его на вечер выпускников, Линкольн подумал, что она шутит и будет весь вечер потешаться над ним на глазах у друзей и знакомых. Но все-таки согласился. А она ничего такого не стала делать.

Наедине с ним Сэм оказалась совсем другой. Она притихла – вернее, стала чуть потише, – и Линкольн смог сказать ей все, даже самое важное. Ей понравилось говорить о важном. Она высказывалась горячо, от души.

Линкольн ничего не сделал, чтобы Сэм влюбилась в него. Она просто влюбилась, и все.

Ну и он тоже влюбился.

Линкольн посмотрел на кофемашину. Мужчины в заношенной рубашке и женщины с веснушками уже не было.

Глава 7

От: Бет Фремонт

Кому: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Дата: Понедельник, 30.08.1999, 11:24

Тема: Кто хорошо выглядит в платье без бретелек?

И не просто без бретелек. В облегающем. Кто с ним справится?

«Дженнифер – Бет» Ну-у... Джоан Коллинз. Линда Картер. Шания Твейн...

«Бет – Дженнифер»

1. Ты по телевизору смотришь только канал «Лайфтайм»? Или иногда еще «Проще простого»?

2. Даже эти милые дамы рядом с подружками моей сестры будут смотреться как хиппи. Им по двадцать лет, и всем своим видом они как бы говорят: «Может, после обеда я и не сижу в шикарной ванной, как моя соседка по комнате, зато я тем временем влезу в ее джинсы».

Может, раньше я и осмелилась бы на облегающее платье без бретелек... но только году в 1989-м, и тот единственный день давно миновал.

«Дженнифер – Бет» Десять лет, как миновал.

«Бет – Дженнифер» Спасибо за уточнение.

А я говорила тебе, что у свадебного платья может быть тема? Жених Кайли хочет что-нибудь про новое тысячелетие.

«Дженнифер – Бет» То есть?

«Бет – Дженнифер» Если бы знать... Я бы хотела надеть серебристый комбинезон.

«Дженнифер – Бет» Может, сестра позволит тебе накинуть шарф, свитер или что-нибудь такое, чтобы не чувствовать себя совсем уж раздетой.

«Бет – Дженнифер» Хорошая мысль! Может, я сумею подговорить Гвен, не хочу казаться белой вороной.

«Дженнифер – Бет» Твоя Гвен тоже будет? Она не тощая, как все остальные подружки невесты. Будет хотя бы еще один человек нормального размера.

«Бет – Дженнифер» Нет, ты права. Ты права... Не понимаю, почему я так переживаю из-за всего этого. Платье, свадьба... Я правда рада за Кайли. И за тебя, и за всех остальных счастливо замужних дам.

Только вот одно меня не радует. Мне хочется, чтобы вы все, как бы это сказать... отвалили, что ли. Когда Кайли показала свое кольцо – платиновое, 1,4 карата, – меня так и подмывало сказать ей какую-нибудь гадость. Ну кому нужно такое огромное кольцо, я тебя спрашиваю? Когда такие кольца были у Элизабет Тейлор, наши бабушки думали, что она шлюха.

И я все-таки сказала Кайли гадость – какую-никакую, а гадость.

Мы пошли в магазин для невест на первую примерку – да, уже! – и я заметила, что серовато-зеленый – это цвет грязной воды в аквариуме. И что этот креповый полиэстер воняет потом, так что готовое платье можно и не надевать.

А когда Кайли назвала нам песню для церемонии – ну конечно, они уже выбрали ее, и конечно, это «What a Wonderful World» Луи Армстронга, – я ответила, что это все равно что купить рамки для фотографий и не вынуть из них фото моделей.

«Дженнифер – Бет» Ого! И ты так и не отказалась идти на свадьбу?

«Бет – Дженнифер» Я все еще подружка невесты. Никто не слышал, как я издеваюсь. Кайли мерила одну фату за другой, а остальные подружки то и дело прикалывались друг над другом и не обратили внимания.

Когда я вышла из магазина, то чувствовала себя самым гадким представителем рода человеческого. Мне очень хотелось устроить скандал. Я выходила из себя, что никто ничего не заметил. Я была готова подпалить что-нибудь, лишь бы меня заметили. И неожиданно мне показалось, что идея очень даже неплохая...

Запалить что-нибудь... например, из крепового полиэстера.

Поджечь платье Кайли я бы не смогла, по крайней мере не сейчас, оно будет готово месяца через два с половиной, но у меня шкаф не закрывается от платьев, которые я надевала только по одному разу. На студенческий бал, на свадьбу подружки... Я уже созрела для того, чтобы запихать их все в огромные мусорные мешки и выбросить в ближайший контейнер. Я собиралась даже поджечь их сигаретой, как крутая девица из «Смертельного влечения».

Но не смогла. Потому что я не та крутая девица. Я не героиня Вайноны Райдер. Например, не Джо из «Маленьких женщин»: никогда бы не стала раскладывать все эти платья на постели и мерить, мерить, мерить...

Среди них было и декольтированное платье, его я двенадцать лет назад надевала на свадьбу брата. Зеленовато-голубое – в восемьдесят седьмом году это было то же, что сейчас серовато-зеленое, – с рукавами-фонариками и цветочками персикового цвета на талии. Конечно, оно было мне мало, и конечно, я не сумела застегнуть молнию, ведь мне уже не шестнадцать. Вот тогда до меня и дошло – *мне уже не шестнадцать!*

Не хочу сказать, что это само собой разумеется. Это как в кино «Джек и Диана». Типа: «Да-да, жизнь продолжается, даже когда все тревоги позади».

Я сама уже не та, которая могла бы застегнуть молнию на этом платье. Та думала, что безобразное платье, надетое в самый счастливый день чьей-то жизни, – это только начало, первый шаг по той дорожке, по которой и ты тоже придешь к самому счастливому дню в своей жизни.

Нет такой дорожки. А есть только сцена в зале ожидания из «Битлджуса» – еще один фильм, где Вайнона – это не я.

Я разложила платья по всей спальне, и тут Крис пришел домой. Я силилась придумать, для чего бы мне понадобилось вынимать запыленное платье с чьей-то там свадьбы да еще и рыдать при этом. Но от Криса несло сигаретным дымом, он отправился прямо в душ, так что объяснять мне ничего не понадобилось, а от этого стало еще хуже, потому что я очень хотела, чтобы меня кто-нибудь пожалел.

«Дженнифер – Бет» Мне тебя жалко.

«Бет – Дженнифер» Правда?

«Дженнифер – Бет» Правда. По-моему, ты сейчас в жалком состоянии. И мне даже неловко читать то, что ты пишешь, когда такая.

«Бет – Дженнифер» Знаешь ты, как нужно разговаривать с девушками. Скажи еще, что я и сама в один прекрасный день стану красавицей-невестой.

«Дженнифер – Бет» Конечно станешь. Конечно! И когда Крис созреет, чтобы сделать тебе предложение, могу поспорить, что все будут выходить замуж в серебристых комбинезонах.

Глава 8

– А тебе не все равно, если платят за то, что ты там просто сидишь? – спросила Линкольна сестра.

Он позвонил Ив, потому что скучал. Потому что уже прочитал все, что было в папке WebFence. Один раз прочитал, другой.

Снова Бет и Дженнифер. Он не послал им предупреждения. Снова не послал. Ему начало казаться, что он знаком с ними, что это его коллеги по работе. Чушь какая! Лишний довод за то, чтобы уйти с этой работы.

– Не все равно, – ответил он Ив.

– А должно бы. Ведь ты позвонил, чтобы поплакаться в жилетку?

– Я не плачусь в жилетку, – произнес Линкольн чуть более напористо, чем обычно.

– Это же работа, на которой не надо скрипеть мозгами. Ты говорил, что хочешь найти работенку, где не придется сильно думать, чтобы направить всю энергию на размышления о том, как жить дальше.

– Правильно.

– Так зачем переживать, что тебе платят за то, что ты ничего не делаешь? Идеальный вариант! Не трать зря времени, читай «Какого цвета ваш парашют?». Начни разрабатывать собственный пятилетний план. – Ив старалась перекричать какой-то механический шум.

– Ты что, пылесосишь?

– Пыль гоняю! – прокричала сестра.

– Перестань, а то у тебя голос резкий.

– А я такая – резкая.

– Ну, от этого особенно, – сказал он. – Вот я и забыл, о чем говорил.

– Плакался, что тебе платят за то, что ты ничего не делаешь. – Ив выключила пылесос.

– Выходит, когда получаешь деньги за то, что ничего не делаешь, то все время помнишь, что ничего не делаешь, – ответил Линкольн. – А для этого энергии нужно гораздо больше, чем кажется. Я вот все время чувствую усталость.

– Как ты можешь все время это чувствовать? Тебе как ни позвонишь – ты дрыхнешь и дрыхнешь!

– Ив, я раньше часа ночи с работы не ухожу.

– Но к двенадцати дня можно уже и проснуться.

– В полвторого я дома. Сна ни в одном глазу. Еще час-два сижу у компьютера. И только часа где-то в четыре засыпаю. В час, полвторого – подъем. А потом я три часа раздумываю, что до работы времени ни на что не хватает. Смотрю повторы «Квантового скачка», снова сижу у компа. Иду на работу. Повторяю. «Вторая строчка такая же, как первая».

– Это ужасно, Линкольн.

– Это ужасно.

– Надо с этой работы уходить.

– Надо с этой работы уходить, – повторил он. – Но если я останусь, то смогу съехать от матери.

– Когда?

– Когда захочу. Деньги хорошие.

– Оставайся, – твердо сказала Ив. – Съезжай, найди новую работу, а потом уж уходи.

Линкольн знал, что она так и скажет. Ив считала, что все проблемы брата решатся сами собой, стоит ему только уйти от матери. При каждом удобном случае она повторяла: «Пока ты здесь, своей жизни у тебя не будет». Сестра посоветовала бы ему пойти работать на скотобойню, если бы только это помогло ему снять собственную квартиру.

Но Линкольн вовсе не был уверен, что ему так уж хочется съезжать. Ему нравилось в материнском доме. Нравилось, что все давным-давно стоит на своих местах, а в его распоряжении весь верхний этаж, даже с собственной ванной. И вообще, он не имел ничего против того, чтобы все время быть рядом с матерью. Иногда ему хотелось только, чтобы она давала ему чуть больше пространства. Пространства для мысли.

– А тебе не противно говорить людям, что ты до сих пор живешь в доме у матери? – спросила Ив.

– Кому надо знать, где я живу?

– Новым знакомым.

– Нет у меня никаких новых знакомых.

– Будешь жить дома – ни с кем и не познакомишься.

– А если буду жить в своей квартире, то, значит, познакомлюсь? Ты можешь представить, чтобы я отправился в бассейн? Или разговорился с кем-нибудь в тренажерном зале?

– Возможно, – ответила она. – А почему нет, собственно? Плавать ты умеешь.

– Мне не нравятся жилые комплексы. Не нравятся ковровые покрытия, маленькие бетонные балкончики, встроенные шкафы.

– А встроенные шкафы чем тебе не угодили?

– Они сделаны из древесно-стружечных плит и воняют мышами.

– Великолепно, Линкольн! И в чьих же квартирах ты был?

– Есть у меня друзья, которые живут в квартирах.

– В великолепных квартирах, похоже.

– В холостяцких. Ты не представляешь, что это такое.

Ив ушла из дома, когда ей исполнилось девятнадцать лет. Она вышла за Джейка, с которым познакомилась в городском колледже. Он был старше на десять лет и служил в военной авиации. Джейк купил ей в пригороде дом, похожий на ранчо, и Ив перекрасила все комнаты в доме в разные оттенки бежевого.

Раньше Линкольн ездил к ним на выходные отсыпаться. Ему было одиннадцать лет, и Ив размещала его в отдельной комнате.

– Приезжай в любое время, – говорила она брату. – В любое. Живи, сколько хочешь. Это и твой дом тоже.

Линкольну нравилось бывать у Джейка и Ив, но никогда не хотелось сбежать к ним. Линкольн – не то что Ив – никогда не хотел уходить от матери. Он не понимал, из-за чего они злятся друг на друга. Когда Ив рассказывала что-нибудь о матери, он даже не сразу понимал, о ком идет речь.

– Никогда у мамы кальяна не было, – настаивал, например, он.

– Да нет, был – из бутылки из-под «Доктора Пеппера». Еще на журнальном столике стоял!

– Врешь ты все! Мама никогда не стала бы пить «Доктор Пеппер»!

Когда на следующий вечер Линкольн пришел в редакцию, Грег, горячась, говорил по телефону. Для выпусков, посвященных «Проблеме 2000»¹, он взял по договору независимого консультанта, и вот этот консультант теперь заявил, что работать с «Курьером» сможет не раньше начала февраля. Грег обозвал его шарлатаном, одноглазым цыганом и швырнул трубку.

– Я могу помочь с этой проблемой, – предложил Линкольн, – писал тут одну программку...

---

¹ «Проблема 2000» – внезапное отключение всех компьютеров в мире, которое ожидалось в первую миллисекунду 2000 года. – Примеч. ред.

– Ну да, – буркнул Грег, – ты да я, и еще взять учеников из восьмого класса спецшколы. Получится лучше некуда.

Он выключил компьютер, просто выдернув вилку из розетки. Линкольн внутренне содрогнулся.

– Злись не злись, все равно я как крыса в клетке, – подытожил Грег, собирая свои бумаги и пиджак. – Ну до завтра, Сенатор.

Хм... Программирование... Отладка... Не то чтобы Линкольну это страшно нравилось, но все же не сравнить с архивированием и сжатием. Какая-никакая, а проблема, и ее надо решить. И решить всего за несколько месяцев, а может, и быстрее.

Он проверил папку WebFence. В ней краснело всего два флажка. Это значило, что работы у Линкольна в эту ночную смену от тридцати секунд до пяти минут. Он уже решил, что сделает ее после ужина.

На сегодня у него был план.

Вернее, так: план составить план. Линкольн сегодня поднялся рано, в полдень, и отправился в библиотеку за книжкой про парашют, о которой узнал от Ив. Теперь книга лежала у него в рюкзаке рядом с сегодняшними объявлениями о работе, желтым маркером, десятилетней давности записной книжкой, свежим номером «Энтертеймент уикли» и сэндвичем с индейкой, от которого шел такой соблазнительный аромат, что Линкольну трудно было думать о чем-то другом.

С журналом и сэндвичем он разделался к семи вечера.

Потом подумал, чем бы заняться дальше – просмотреть объявления о работе или протудировать «Какого цвета ваш парашют?», – но вместо этого вынул записную книжку. Он положил ее на стол и медленно перелистал заметки о Войне за независимость и черновик сочинения «Дивный новый мир».

Линкольн знал, что ищет: где-то в середине должно быть... Ага, вот... Почерк Сэм, фиолетовые чернила, частокол заглавных букв.

ЛИНКОЛЬН ПРЕУСПЕВАЕТ В...

Сэм составила этот список, когда Линкольн заканчивал среднюю школу и выбирал, куда податься дальше. Он уже знал, что в колледж, – куда угодно, лишь бы вместе с Сэм.

Мать хотела, чтобы он учился рядом с домом. Ему была предложена стипендия регента в государственном университете – всего-то сорок пять минут езды. Но Сэм ни за что не пошла бы туда. Ей хотелось чего-то большого, важного и **ОЧЕНЬ ДАЛЕКОГО**. А Линкольн хотел уехать с ней. Стоило матери завести речь об этой стипендии, о том, что в университете хороший кампус и что ему можно будет приезжать домой и стирать свои вещи, Линкольну сразу же представлялось, как Сэм грузит вещи в отцовский минивэн и уезжает на запад, на заход солнца. Со стиркой он уж как-нибудь сам справится.

Поэтому он разрешил Сэм закупить все, что нужно для учебы. Она заказывала разные брошюры и по выходным отправлялась смотреть кампусы. «Хочу жить у океана, Линкольн, у океана! Хочу чувствовать, как наступает прилив. Хочу выглядеть, как те девушки, что живут у океана. У них волосы треплет ветер, а на щеках здоровый румянец. Хочу горы... Ну хотя бы одну гору. Разве это много? И деревья. Ну не целый лес, нет. Хватит и рощицы. Картинку хочу. Красивую картинку!» «Нашла о чем мечтать», – думал Линкольн.

Сэм остановила свой выбор на колледже в Калифорнии – не слишком далеко от океана, не слишком далеко от гор – с обсаженным деревьями кампусом и плотной театральной программой. Линкольна тоже приняли, за компанию, и предложили с полдюжины разных курсов.

Матери он объяснил, что технически это столько же, сколько предлагала государственная школа.

– Да, – ответила она, – только в четыре раза дороже.

– Ты, что ли, платишь? – возразил он.

– Подлю так говорить.

– Извини, не хотел.

И правда, он не хотел.

Линкольн знал: матери неловко, что она не может платить за него. Ну, знал, что ей иногда неловко, да. Колледж – это была его забота. Мать рассчитывала, что он будет платить сам, точно так же, как рассчитывала когда-то, что сын сам купит себе «Nintendo».

– Можешь купить, если хочешь, если готов за него заплатить. Копи.

– Нет у меня денег, – ответил Линкольн, тогда девятиклассник.

– Надо быть благодарным, Линкольн. Деньги – жестокая штука. Они всегда стоят между тобой, тем, что ты хочешь, и теми, кого любишь.

– Как это деньги могут стоять между тобой и теми, кого любишь?

– Да вот как сейчас между нами.

Насчет Калифорнии мать волновалась, в общем, не из-за оплаты. Ей не хотелось, чтобы Линкольн ехал в Калифорнию, потому что ей не хотелось, чтобы он уезжал. Не хотелось, чтобы уезжал так далеко. Уезжал вместе с Сэм.

Матери не нравилась Сэм.

Она считала ее эгоцентричной и хитрой. «Кастрюля. Сковородка. Да еще черная», – сказала Ив. Сэм была слишком громкой. Слишком напористой, самоуверенной. Мать ворчала, когда Линкольн засиживался дома у Сэм. Но когда он привел ее к себе, это оказалось еще хуже. Что бы ни делала Сэм – перебирала ли специи на полке, включала ли везде свет, говорила ли, что терпеть не может зеленый перец, грецкие орехи и фильмы со Сьюзен Сарандон, – мать буквально выходила из себя.

– Она всегда такая, Линкольн?

– Какая – такая?

– Ну, такая... *вездесущая*.

– Да, – отвечал он, стараясь скрывать свое счастье, – всегда.

Мать, почти не возмущаясь, протерпела Сэм около года. Потом она начала заводить осторожные разговоры о том, что Линкольн еще слишком молод, что пока рано завязывать серьезные отношения с одной девушкой. Она просила его притормозить, попробовать знакомиться с другими девушками. Мать говорила ему: «Это, Линкольн, все равно что купить рубашку. Когда покупаешь рубашку, ты же не берешь первую попавшуюся. Даже если она тебе нравится, все равно примеряешь одну, другую, третью. Потому что ищешь рубашку, которая лучше всего тебе подходит».

– Мам, а если самая первая рубашка подойдет лучше всего? А пока я все перемеряю, той, первой, уже не будет? И если я такой уже никогда не найду?

Матери было непривычно, что он с ней спорит.

– Не в рубашках тут дело, Линкольн.

Говоря с сыном, она всегда называла его по имени. Больше так никто не делал, разве что нужно было привлечь его внимание. Как будто она сама себя гладит по головке за то, что выбрала такое великолепное имя, или, может быть, напоминала сыну, что это она его так назвала. Что она его сделала. Как-то раз, в трудные подростковые годы, в годы с Сэм, Линкольн заорал на мать:

– Ты меня не понимаешь!

– Очень даже понимаю, Линкольн, – ответила тогда она. – Я ведь твоя мать. Так, как я, тебя никто никогда знать не будет. И любить тебя так никто никогда не будет.

Линкольн тогда не сомневался, что мать неправа.

А теперь не сомневался, что права.

Но еще раньше Сэм уселась у него на постели с зеленой записной книжкой и сказала:

– Ну же, Линкольн! Пора выбирать курс для старших классов.

– Вот ты и выбирай, – отозвался он, лежа головой у нее на коленях и уткнувшись в книжку – какое-то фэнтези с мечами и королевами гоблинов.

– Я серьезно, Линкольн. Надо же писать заявление. Это обязательно. Давай сосредоточимся. Вот что ты хочешь сделать со своей жизнью?

Линкольн отложил книжку и улыбался ей, пока она не стала улыбаться ему в ответ.

– Ты, – повторил он и тронул ее подбородок указательным пальцем.

– Ты же не доверишь это мне.

Он снова раскрыл книжку и сказал:

– Ну и ладно. Потом подумаю.

Сэм вырвала книжку у него из рук:

– Давай поговорим сейчас. Серьезно.

Линкольн со вздохом сел:

– Ну давай поговорим.

– Ну давай, – улыбнулась Сэм, добившись своего. – Думай, чем ты хочешь зарабатывать на жизнь.

– Не знаю...

– А что бы ты хотел делать?

– Не знаю...

– Что ты хорошо умеешь? Вот только не говори, что не знаешь.

Линкольн молчал. Улыбка сошла с лица Сэм.

– Ничего, – произнесла она. – Тогда составим список.

Сэм открыла записную книжку и в начале страницы написала:

ЛИНКОЛЬН ПРЕУСПЕВАЕТ В...

– Союз оторван, – заметил он. – Сомнительное начало.

– Первое, – начала она, – грамматика.

– Правописание еще, – подключился он. – В пятом классе я был первым по правописанию.

2. Правописание.

3. Математика.

– С математикой у меня не очень.

– Как это – не очень? Ты же в олимпиаде участвуешь.

– Для олимпиады меня еще хватает, но это не значит, что я отличник. У меня по ней «хорошо».

Сэм подчеркнула слово «математика».

– Еще что? – спросила она.

– Не нравится мне это, – ответил он.

– Еще. Что? – твердо произнесла Сэм и ткнула синей чернильной ручкой ему в грудь.

– Ну не знаю... История... Да, с историей у меня нормально.

4. История.

– А еще физика, – вспомнила Сэм, – и общественные науки. Я твой табель видела.

– Тебя послушать, так я успеваю по шести различным предметам, а ведь это все одно и то же.

Линкольн взял ручку и отчеркнул ее список. Рядом он приписал:

1. Школа.

Сэм отобрала ручку.

2. Портит отличные списки.

Линкольн снова потянулся за ручкой.

– Нет уж, – сказала она, – теперь это не твой список, а мой.
– Вот и хорошо, – ответил он, одной рукой взял книжку, а другой обнял ее и прижал к себе. Она все писала. Он все читал. Где-то через час Линкольн проводил Сэм к машине. Вернувшись, он увидел на подушке раскрытую записную книжку.

ЛИНКОЛЬН ПРЕУСПЕВАЕТ В...

1. Школа.
2. Портит отличные списки.
3. Увиливает от прямых вопросов.
4. Не волнуется о том, о чем **ОЧЕНЬ НУЖНО** волноваться.
5. Не волнуется о том, о чем и правда не надо волноваться.
6. Спокоен. Все время спокоен. Неизменно спокоен.
7. Переворачивает страницу одной рукой.
8. Любит читать.
9. И писать.
10. Очень хорошо знает, как обращаться со **СЛОВАМИ**.
11. Очень хорошо знает, как обращаться с **ЦИФРАМИ**.
12. Догадывается, чего хотят учителя.
13. Догадывается, чего хочу я.
14. **ВТОРАЯ БАЗА**. (Ха!)
15. Смеется моим шуткам.
16. Запоминает шутки.
17. Запоминает слова песен.
18. Поет.
19. Возвращает к жизни компьютеры. Распутывает цепочки и бусы.
20. Объясняет непонятное. Хорошо учит водить машину.
21. Ездит в плохую погоду.
22. Достает всякие вещи.
23. Помогает.
24. Просто прелесть.
25. С ним я чувствую, что я тоже просто прелесть.
26. С ним я чувствую себя **ВОСХИТИТЕЛЬНОЙ**.
27. Восхитительный.
28. С ним я чувствую себя значительной.
29. И любимой.
30. Слушает меня, когда больше уже никто **НЕ МОЖЕТ**.
31. Смотрит на меня, как будто что-то знает, а я нет.
32. Знает то, чего я не знаю.
33. **УМНЫЙ**.
34. **ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ**.
35. **ДОБРЫЙ**.
36. **ХОРОШИЙ**.

Назавтра, когда Сэм заехала за Линкольном в школу, она сказала, что выбрала ему курс:
– Американские исследования.
– Это о чем?
– Как бы обо всем. Обо всем, что делалось в Америке. И делается. О поп-культуре. Как бы сводится все вместе и становится понятно, что к чему.
– Захватывающе! – бросил он.

– Не язви, – ответила она.

– И не думаю. Правда захватывающе. Просто великолепно.

Стоял февраль, на Сэм была дутая розовая куртка и белый шарф. Линкольн притянул ее за концы шарфа к себе и, поцеловав, сказал:

– По мне, так лучше и не надо.

В августе того года семейство Сэм устроило ей прощальный вечер – за несколько дней перед тем, как они с Линкольном отправились в Калифорнию. Родители Сэм накупили фейерверков и взяли напрокат караоке. Вечер был в самом разгаре, когда около полуночи Линкольн заснул на лужайке, прямо на стуле. Он и не помнил, когда Сэм втиснулась рядом с ним. От нее пахло Пятым июля, потом и пустыми корпусами из-под бутылочных ракет.

– Со всеми попрощалась? – спросил Линкольн.

– И за тебя тоже. – Сэм склонила голову. – Ты целовался со всеми прямо в губы. Как-то неудобно...

– Покажи.

Она быстро его поцеловала. Сэм была непохожа на себя, спешила, пугалась. Как будто проснулась.

– Ты как? – спросил Линкольн.

– Да-а... Ничего. Угу... Нет, не знаю. Боже мой, я не знаю, что со мной... – Она встала с кресла и пошла вдоль стола, поднимая одну пластиковую чашку за другой и снова ставя их на место. – Я чувствую, что... готова.

– К чему готова?

Линкольн сел, стараясь сообразить, о чем это она. Луна еле светила, лица Сэм он не различал.

– Готова все поменять, – ответила она и, присев на столик для пикника, принялась перебирать на нем ленточки. – Я чувствую, что все уже как будто изменилось. Ну вот, например, я думала, что будет очень грустно прощаться со всеми. Думала, что разревусь, а не проронила ни слезинки. Мне вообще не хотелось плакать. Мне петь хотелось. Хотелось сказать: «Ну да. Да! Ну, до свидания!» Не то чтобы «счастливо оставаться», а просто – «до свидания». Я готова к новым людям, – продолжала она, подбросив ленточки в воздух. – Через два дня я буду ходить по улицам и не увижу ни одного знакомого лица. Все будут для меня совсем-совсем новыми. Как сказать... совсем свежими, с большим потенциалом. Да, с одним только потенциалом. Я не буду о них ничего знать. И никто не будет действовать мне на нервы.

Линкольн подошел к столу и сел рядом с ней.

– Целых тридцать шесть часов.

– То есть?

– То есть твоим нервам осталось потерпеть тридцать шесть часов.

– Может, и это изменится. – Сэм вздернула подбородок. – Я сама стану новой. И может, новая я буду терпеливее.

– Да...

Он обнял ее одной рукой. Сэм была такая маленькая, что ему казалось, можно сграбастать ее сразу всю.

– Ты разве не чувствуешь, Линкольн? Не чувствуешь, что все меняется?

Он сильнее прижал ее и ответил:

– Не все.

После школы Линкольн открывал эту записную книжку раз десять. Он вынимал ее всякий раз, когда менял специализацию в колледже, когда начинал новую программу или переходил на следующий курс.

Он все надеялся заметить в списке что-нибудь такое, что пропускал раньше, какие-нибудь очевидные истины о себе, о том, что же ему все-таки делать. Или не делать. Как же его жизнь так и застряла на пункте 19 – «возвращает к жизни компьютеры»? А что, нельзя зарабатывать на жизнь распутыванием цепочек и бус? Почему бы не застрять на пункте 29? Или хотя бы на 27-м...

Стоило Линкольну взглянуть на этот список, как он начинал думать о Сэм, и думал он о ней гораздо больше, чем о своих карьерных достижениях. В тот вечер он так и не добрался ни до объявлений, ни до парашюта, ни до плана.

Глава 9

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонт

Дата: Среда, 01.09.1999, 13:14

Тема: Хочешь, вечером куда-нибудь выберемся?

Нам с Митчем нужен перерыв. Он до сих пор бухтит насчет того, как хорошо мы контролируем рождаемость.

«**Бет – Дженнифер**» Не могу. Как раз сегодня наконец-то выбираюсь на «С широко закрытыми глазами».

«**Дженнифер – Бет**» Фи... Мне не нравится Том Круз.

«**Бет – Дженнифер**» Да и мне тоже. Но вот фильмы с ним обычно неплохие.

«**Дженнифер – Бет**» Согласна. Хм, может, вообще-то, Том Круз мне и нравится. Но я терпеть не могу, когда на меня давят, чтобы он казался мне привлекательным. Мне он привлекательным не кажется.

«**Бет – Дженнифер**» Да и не тебе одной. Это ложь, которую тиражируют американские СМИ. Том Круз и Джулия Робертс.

«**Дженнифер – Бет**» Мужчинам не нравится Джулия Робертс?

«**Бет – Дженнифер**» Не-а... Она своими зубами их отпугивает.

«**Дженнифер – Бет**» Рада слышать.

Глава 10

Когда во вторник утром Линкольн сошел вниз, мать стояла над кухонным столом и соскребала ярко-зеленую краску с ящика тумбочки. Хлопья краски валялись на столе, на полу. В краске были и ее волосы, и даже масленка. От таких вещей у Ив немедленно разыгрывалась мигрень.

– Ты же вроде этот ящик недавно красила, – удивился Линкольн.

– Красила, – подтвердила мать, хмуро глядя на ящик.

– Так зачем же теперь счищать?

– Цвет должен быть травяной. Так написано на этикетке. А это не травяной, а просто ярко-зеленый.

– А на этикетке был травяной?

– Ну конечно. Раз на этикетке написано «травяной», значит и должен быть травяной, а не такой вот едучий.

– Mam, можно тебя спросить...

– Конечно. В духовке печенье, подливка к ветчине. Сейчас положу. Меда хочешь? У нас он свежий, от местных пчел. Кстати, ты знаешь, что гораздо полезнее есть мед от местных пчел?

– Никогда об этом не задумывался, – ответил Линкольн, стараясь быть как можно терпеливее.

– Лучше-лучше. Потому что пчелы собирают пыльцу с растений, которые растут здесь же, и вероятность аллергии при этом уменьшается.

– У меня, по-моему, нет никакой аллергии.

– Тебе повезло. Наверное, мы всегда покупали именно местный мед.

– Mam, как тебе кажется – Том Круз привлекательный?

Мать опустила шпатель и посмотрела на Линкольна, будто стараясь определить – травяного он цвета или все-таки ярко-зеленого.

– Милый, *ты* находишь его привлекательным?

– Mam, ну нет же... Что ты придумала? Вот еще...

– Тогда почему спрашиваешь?

– Я спрашиваю, тебе кажется, что Том Круз привлекательный? Я не спрашиваю, думаешь ли ты, что я голубой. Ты что, правда так думаешь?

– Я этого не говорила, – ответила мать. – Я просто подумала, что такое возможно, но не произнесла этого. Я хотела тебе помочь...

– Чем?

– Сказать мне, если это так. А это не так. Ты же говоришь, что это не так, да?

– Да. В смысле, это не так. Ты что, серьезно?

– Линкольн, лучше сказать откровенно, тогда многое станет понятно.

– Да что? Что понятно-то?

– Понятно, почему у тебя нет девушки. Почему у тебя уже очень давно нет девушки. После Сэм, так ведь? И, честно говоря, тогда все понятно насчет Сэм.

– И что же понятно насчет Сэм?

– Ну... Она ведь не была очень женственной.

– Она была очень даже женственной.

Мать наморщила нос и пожала плечами:

– По-моему, в ней было что-то мальчишеское. Совсем без груди...

– Не совсем, – ответил Линкольн, закрыв один глаз ладонью.

– Правда, – ровным голосом сказала мать. Она произносила это слово без вопросительной интонации, а даже с некоторым вызовом.

– Не голубой я.

– Конечно не голубой.

– Я хотел спросить только, кажется ли тебе Том Круз привлекательным, потому что мне, например, не кажется привлекательной Джулия Робертс, и я подумал, что, может быть, это большая ложь, которую тиражируют СМИ.

– Джулия Робертс не кажется тебе привлекательной? Хм... Правда.

В пятницу Линкольн проснулся поздно. Он застал еще конец серии «Квантового скачка», помог матери передвинуть диван, встретился с сестрой в торговом центре и помог ей выбрать новый мобильник. Потом они расположились в кафе, заказали по хот-догу и Линкольн показал Ив книжку, взятую в библиотеке.

– Ну и... – начала она, – какого же цвета твой парашют?

– Зеленого, – ляпнул он. Вполне мог быть и зеленого.

Ив, обрадовавшись прогрессу Линкольна, заявила, что сама купит ему «Оранж Джулиус». Потом она вспомнила, что сейчас брат зарабатывает больше, и заставила его купить ей «Оранж Джулиус».

Вечером на работе у Линкольна было чувство, что он влез в чужие штаны. Да к тому же еще и маленького размера. Два хот-дога – это чересчур. Надо бы заняться собой. Может, на работу что-нибудь принести? Гантели? Тренажер «Тай-мастер»? Надувной мяч для йоги, с которым занимается мама?

На ужин он съел три упаковки йогурта, купленного в автомате, а потом четыре часа играл на компьютере в «Тетрис». А может, и «PlayStation» из дома тоже притащить. Падающие кубики «Тетриса» так и мелькали у него в глазах, когда он наконец проверил папку WebFence.

Глава 11

От: Бет Фремонт

Кому: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Дата: Пятница, 03.09.1999, 14:08

Тема: Грядущие выходные

Привет! Все фильмы этой недели вышли в среду, сегодня у меня выходной, а у Криса – шоу. У тебя с классным муженьком все еще перерыв? Хочешь, вместе сходим?

«**Дженнифер – Бет**» Почему ты хочешь идти в кино, когда у тебя выдается вечер, свободный от кино? Я, например, в выходные заголовков не сочиняю! Хотя грамматику все же поправляю, и это действует Митчу на нервы.

Я бы очень хотела посмотреть какое-нибудь кино, но сегодня вечером «Норд» первый раз играет дома. Митч уже вытащил сине-золотую толстовку, его подарок мне на день рождения. Я весь вечер посижу на холодном, жестком сиденье стадиона и буду смотреть, как мой муж играет «Tequila» и «All Hail the Golden Vikings», явно получая от этого дикое удовольствие.

Слушай, а чего бы тебе не пойти с нами? Пойдем, посмотришь игру. Хочешь, я тебе даже викингскую шапочку дам – знаешь, есть такие, с рогами?

«**Бет – Дженнифер**» А правда, почему? Может, потому, что я слишком спокойная, чтобы сидеть с парнями из группы?

Ну не знаю... Наверное, это прикольно. Можно глазами стрелять в самых крутых мальчишек из старших классов.

«**Дженнифер – Бет**» Мальчишки из старших классов только кажутся крутыми девочкам из старших классов. Это, видимо, потому, что лампы в классах люминесцентные. Эти парни, вообще-то, тощие, прыщавые, а ножицы у них просто огромные. Почему тебе все-таки не хочется идти к Крису на концерт?

«**Бет – Дженнифер**» Я на его концерты больше не хожу. Знаю, что сейчас спросишь почему, поэтому отвечаю сразу.

В колледже я не пропускала ни одного концерта. Бывало, целый час подводила себе глаза, а еще час – Крису. Я шла в клуб пораньше, помогала им все раскладывать, потом надо было переждать первые две группы, сесть точно в первом ряду слева, чтобы, когда он отрывался от своей гитары, я всегда оказывалась в поле его зрения. Как Кортни Кокс в клипе «Танцующая в темноте». Это была nirvana – еще до «Nirvana».

А потом я начала работать в отделе досуга. И все друзья Криса узнали, где я работаю, стали подходить на концертах, давать свои записи, делать вид, что я им нравлюсь.

А потом Стеф и Крис поругались из-за того, что я работаю в газете.

А по выходным я еще работала по ночам, так что...

Проще сидеть в вечер концерта дома и дожидаться его.

«**Дженнифер – Бет**» Что значит «поругались»? И разве Крису не плохо, когда тебя нет на концерте? Ты никогда не говоришь о колледже. Так и вижу, как ты визжишь в полном экстазе.

«**Бет – Дженнифер**» Что-то заболталась я о колледже, да? Мне очень нравилось там. Хотела бы вернуться.

Дурацкая получилась ссора: Стефу казалось, что реклама у группы была бы лучше, если бы я не работала в «Курьере».

«Дженнифер – Бет» Ой, терпеть не могу Стефа! Он прямо зациклен на Йоко Оно. И потом, ты не так уж заболталась о колледже. Я даже не знаю, как вы с Крисом познакомились.

«Бет – Дженнифер» Да ну ее, эту Йоко. Это потому, что он воображает себя прямо-таки Полом Маккартни. Но Пол Маккартни – это тонкая натура. И однолюб.

«Дженнифер – Бет» И рыцарь.

«Бет – Дженнифер» И борец за права животных! Единственное, чем Крис более-менее похож на сэра Пола Маккартни, – оба любители травки.

Ты ведь знаешь, как мы с Крисом познакомились. В Студенческом союзе.

«Дженнифер – Бет» В Студенческом союзе... Это не как вы познакомились, а где. Я хочу знать, была ли у вас любовь с первого взгляда. Кто кого первый заметил. Ну, все как было.

А ты так и не ответила: разве Крису не плохо, когда тебя нет на концерте?

«Бет – Дженнифер» Честно, я думаю, ему легче, если я не прихожу на него смотреть. Все остальные в группе – отвязные одиночки. Пью я мало. Курить вообще не курю, не могу удержаться, чтобы не пройтись насчет их безответственного сексистского поведения. Я порчу им весь стиль.

«Дженнифер – Бет» Можно предположить, что группа с названием «Сакагавея» благосклоннее к свободомыслящим женщинам.

«Бет – Дженнифер» Ты всегда так говоришь.

«Дженнифер – Бет» Не всегда, только раз и сказала, но это так глубокомысленно, что не могу себя не цитировать. «Глубокомыслие» – вот как бы я назвала свою группу.

«Бет – Дженнифер» А я бы назвала «Любомудрие».

Ну ладно. Спасибо за приглашение на игру, только я, пожалуй, пойду сегодня в кино – тебе больше школьников достанется. «Матрица» в дешевом кинотеатре идет. А я в выходные люблю в кино выбираться. Хорошо так отдыхать. Мне даже не надо критически думать, можно вообще ни на что не обращать внимания.

Может, после кино и забегу послушать «Сакагавею». Из-за тебя я себя чувствую плохой девчонкой.

«Дженнифер – Бет» Тебе надо сильно-сильно подвести глаза и встать впереди.

«Бет – Дженнифер» Ну не знаю, подумаю.

Глава 12

В эти выходные Линкольну захотелось оторваться. Оторваться как следует.

Обычно по субботам он резался в «Подземелья и драконов». Со времен колледжа компания была все та же – человек пять-шесть. Ив считала, что это тоже удерживает его в прошлом.

– Ты как будто нарочно бегаешь от девушек, – заметила она.

– У нас там есть девушки, – возразил Линкольн. Вернее, девушка.

Кристина была единственной девушкой в их компании. Сразу после колледжа она вышла за Дейва, здорового детину, которому нравилось становиться хозяином подземелья, и игра навсегда переместилась в их гостиную.

– Может, ты со своими друзьями по «Подземельям и драконам» чем-нибудь другим займешься? – предлагала Ив. – Ну, сходите куда-нибудь, где можно с девушками познакомиться.

– Не думаю, – отвечал Линкольн. – Там все женатые.

Да, все, кроме Троя. И даже Линкольн сказал бы, что Трой не тот тип, который ищет встреч с девушками. Трой был уверен, что все кругом – да-да, все без исключения – жаждут поговорить о сериале «Вавилон-5». У него была кустистая желтая борода, очки в металлической оправе, как у преподавателя математики, и он очень любил кожаные жилетки.

Может, где-то Ив и права. Может, Линкольну нужно расширяться.

В пятницу он позвонил Трою и сказал, что на этой неделе на «Подземелья и драконов» его повезет другой шофер. Но Трой был равнодушен к машинам. А потом Линкольн позвонил Джастину.

В смысле знакомства с девушками Джастин был самое то.

Линкольн и Джастин вместе учились в старших классах. Они играли в гольф в школьной команде, вместе делали опыты в химической лаборатории, а когда на втором курсе Линкольн переехал в Небраску – по крайней мере, он намеревался учиться на втором курсе, – они поселились в одной комнате.

Джастин тут же ввел Линкольна в круг своих друзей по колледжу. Они все время зависали в комнатах друг у друга, играли на «Sega Mega Drive», заказывали жуткие пиццы. Иногда ходили на соревнования по женской гимнастике. Иногда кто-нибудь притаскивал упаковку пива.

Друзья Джастина были такими, с которыми Линкольн, пожалуй, сам бы и не познакомился. Но они приняли его без всяких вопросов, и Линкольн был благодарен. Каждый день теперь он натягивал бейсбольную кепку и научился круто играть в «Ежа Соника».

В следующем году вся компания сняла квартиру в городе и съехала из кампуса. Линкольн остался, потому что проживание входило в стоимость обучения. Потом он их почти не видел. А с Джестином не разговаривал года два, почти столько же, сколько не был в баре.

– Легенда Линка! Здорово! Как жизнь, компьютерный гений?

– Нормально, как еще?

Линкольн застал Джастина в больнице, где тот работал в отделе маркетинга. Линкольн никак не мог понять, зачем больнице нужен отдел маркетинга, какой там может быть рынок – больных?

– Все в школу ходишь? – поинтересовался Джастин.

– Нет, окончил... снова. Я сейчас здесь, у матери пока живу.

– Ну, с возвращением. Давай как-нибудь встретимся. Завалимся куда-нибудь. Честно сказать, я буду с друзьями. Ты женат?

– Даже и не думал.

– Вот и отлично. А то, блин, все меня кинули. И что мне теперь, одному по барам мотаться? Как извращенцу? Я гуляю с младшим братом, и, скажу тебе, ничего в этом хорошего нет. С меня только деньги тянет, и все девки всегда его. Облысеть еще не успел, поганец.

– Так я поэтому и звоню, – сказал Линкольн, радуясь, что Джастин берет дело в свои руки. – Я теперь часто по вечерам работаю, так что выбраться трудновато, но все-таки давай попробуем.

– Ну давай, друган. Завтра вечером как – работаешь?

– Нет, завтра как раз нет.

– Тогда в девять я за тобой заезжаю. Мать где живет, все там же?

– Да-да, – с улыбкой ответил Линкольн. – Тот же дом, та же квартира. Пока, до девяти.

Джастин прикатил на огромной спортивной машине. Линкольн таких даже не видел. Ярко-желтая. Стекла тонированные. Джастин высунулся из окна и крикнул: «Садись, чувак, в крутую тачку!»

На заднем сиденье уже сидело человека три-четыре. Линкольну показалось, что он узнал младшего брата Джастина. Он был похож на старшего брата, только чуть повыше, посвежее. Сам Джастин со школы не слишком изменился. Коротышка с морщинками вокруг глаз и белесыми волосами. Чистая рубашка поло. Строгие джинсы. Бейсбольная кепка без единого пятнышка. В комнате общежития он каким-то хитрым способом умудрялся изгибать козырек на своих бейсболках.

– Посмотри на себя, – с улыбкой сказал Джастин. Он умел улыбаться и говорить, не вынимая сигареты изо рта. – Ты только посмотри на себя!

– Рад тебя видеть, – ответил Линкольн и почти не услышал своего голоса из-за грохота стереосистемы. Это была песня группы «Guns N’Roses» – «Welcome to the Jungle». Линкольн не видел, где находятся колонки, но казалось, что они стоят прямо под его сиденьем.

– Что?! – проорал Джастин, высовываясь из окна, чтобы выдохнуть сигаретный дым.

В этом отношении он был безукоризненно вежлив. Если вы оказывались с Джестином за одним столом, он непременно отворачивался и никогда не дымил прямо в лицо.

– Где колонки?! – прокричал Линкольн. – В сиденьях?

– Ну да. Круто, правда? Все равно как Эклс Роуз поет у тебя в заднице.

– Сам хотел! – завопил кто-то сзади.

Там было три сиденья. Джастин вытянул вверх средний палец и продолжал:

– Не обращай внимания на этих придурков. Пришлось взять с собой, сегодня я дежурный шофер. Ну ничего, они нам не помешают, будут болтаться в малышовой группе.

– А я и не обращаю, – ответил Линкольн.

– Что-что?

– А я и не обращаю! – Линкольн нисколько не волновался. Эти ребята его вообще не интересовали.

Они въехали в пригород и остановились у длинного одноэтажного торгового центра, около места под названием «Стальная гитара».

– Это разве не сельский бар? – спросил Линкольн.

– Был сто лет назад, когда пошла мода выстраиваться в танцах в одну линию. Сейчас этой фигней только раз в неделю занимаются. По четвергам, кажется.

– А всю неделю здесь что делают?

– Что и все. Сюда девчонки ходят, значит и мы пойдем.

Народу было уже полно. На танцполе было тесно, громко играл хип-хоп – самый противный, музыка грохала, кто-то что-то орал про шикарные тачки. Джастин занял высокий столик у танцпола и махнул официантке – на ней был патронташ со вставленными вме-

сто патронов стеклянными стопками. На поясе болтались бутылки с алкоголем. Это было сильно.

– Два «Егермейстера», мисс, – попросил Джастин. – Спасибо.

Он подтолкнул рюмку Линкольну, а свою поднял:

– За тебя, Линкольн. Вперед!

Линкольн чокнулся и выпил рюмку одним глотком.

– Ты же вроде сегодня дежурный шофер, – заметил Линкольн.

– Ну да, – кивнул Джастин и опять закурил.

– По идее, не надо бы тебе пить.

– Не пить, а напиваться. Или уж напиться побыстрее, чтобы все выветрилось.

Джастин уже заказывал еще две рюмки и оглядывал бар.

Он был огромный, точно пещера, и весь черный. Где-то стояла дымовая пушка, везде черные светильники. Скульптура гитары, сделанная из дорогого на вид металла, нависала в темноте над танцполом.

Там были только девушки. Почти все они танцевали сами по себе или с подругами. В середине кружком расположилась компания холостячек. Музыка играла просто жуткая, под нее только и можно было, что трясти головой и сгибаться-разгибаться. Казалось, все девицы слушают печальный рассказ и повторяют как заведенные: «Да-да-да... Ужасно... Да-да-да».

Несколько девушек стояли на приподнятых черных платформах позади танцпола, под рядом зеленых мигающих ламп. Они танцевали, сомкнув бедра, механически хватая друг друга за ноги и изгибая спины. Зрелище было противное. Все равно что мастурбация в передвижном туалете.

Джастин тоже разглядывал их.

– Смотреть тошно, – заметил он, покачивая головой. – Когда мы росли, девчонки даже с парнями так не танцевали. Вон туда посмотри. – Джастин ткнул пальцем в сторону столика у двери. – Вон те наши. Высокое мнение о себе не позволяет им заниматься сексом прямо в одежде, но против выпивки они возражать не будут.

Джастин уже шел к ним, так что Линкольну оставалось только присоединиться. Они остановились у столика, где сидели две женщины, кивая в такт музыке. Из-за плохого освещения Линкольн не понимал, сколько им лет. Он вообще еле их различал. Обе были моложавы, светловолосы, одеты одинаково, для субботы – топы в облипку, бретельки лифчиков ярких кислотных цветов, небрежно распущенные волосы до плеч, светло-бежевая помада.

– Здравсьте, – уже говорил им Джастин, – не возражаете, если мы к вам подсядем? Мой друг Линкольн готов всем все купить.

Девушки заулыбались и убрали со стульев свои черные рюкзаки. Линкольн опустился на стул рядом с Джастином и улыбнулся своей соседке. Странно, но он был совершенно спокоен. Это место и эта девушка были настолько далеки от его обычной жизни, что казались какими-то ненастоящими. По крайней мере, не такими настоящими, как женщины, которые, он чувствовал, сторонились его на тротуарах и в коридорах. К тому же здесь заправлял Джастин, налаживая общение и заказывая всем выпивку. Как там у него были дела с «Егермейстером»? И сколько Линкольн уже выпил? Две рюмки? Три? Три, точно.

– Лайза, – представилась девушка, протягивая ухоженную ручку.

– Линкольн, – ответил он с улыбкой. – Что вам заказать?

– Ваш друг уже заказал.

– А-а... Да-да...

– Вот если вы поделитесь сигаретой...

– Извините, не курю, – ответил Линкольн.

– Вот и хорошо. Я тоже. То есть иногда – в баре там, на вечеринке. Терпеть не могу запах курева. Но если от меня все равно будет пахнуть сигаретами, значит мне тоже можно покурить.

– У друга есть. – Линкольн обернулся было к Джастину, но тот уже вел свою соседку на танцпол. Ну дает! Линкольну вообще не хотелось танцевать.

– Не беда, – сказала Лайза.

– Хотите потанцевать? – спросил Линкольн.

– Не возражаю. А вы?

– А я нет, честно говоря. Ничего страшного?

– Ничего, – подтвердила она. – Там все равно нельзя разговаривать.

Теперь Линкольн уже сильно нервничал. Джастин забрал с собой на танцпол всю энергию, нужную для такого вечера.

– Кем вы работаете? – спросил он.

– Специалист по гигиене полости рта. А вы?

– По компьютерам.

Лайза кивнула с улыбкой и повторила:

– По компьютерам. Круто!

Взгляд ее заскользил куда-то в сторону. Они допили то, что было в рюмках, и Линкольн заказал еще, просто так, от нечего делать. Надо было поесть, когда они сюда собирались. Плохо, что это не простая деревенская забегаловка, – в них ведь всегда есть арахис, кажется. А может, это только в кино так – раздают актерам, чтобы было чем занять руки.

Лайза рвала на мелкие кусочки бумажный подстаканник и шевелила губами в такт музыке. Линкольн подумал, что надо бы уйти: чего мешать ей знакомиться с кем-нибудь другим? А она уж точно с кем-нибудь познакомится. Такая красotka... Наверное. Из-за черно-зеленого света Лайза сейчас была похожа на синяк недельной давности. Как, впрочем, и все вокруг.

– Не такое это место, чтобы знакомиться, – сказал Линкольн.

– Что-что? – Лайза, не расслышав, подалась вперед.

– Не такое это место, чтобы знакомиться, – громче повторил он.

Лайза потягивала выпивку через тонкую соломинку. Она замерла и, не выпуская соломинки изо рта, пристально посмотрела на него, как будто прикидывала: прямо сейчас подняться из-за столика или все-таки дожидаться подруги. А прождать можно было долго. Джастин с соседкой переместились с танцпола куда-то в уголок. Во вспышках света Линкольн разглядел, что они целуются. Джастин не выпускал из руки зажженную сигарету и бутылку пива.

– Извините... – сказал Линкольн, – я вовсе не хотел сказать, что с вами нельзя знакомиться. Я хотел сказать, что для знакомства это место неподходящее.

Лайза все так же шурилась.

– Вам здесь нравится? – спросил он.

– Да ничего, – передернула она плечами. – Бар как бар.

– Вот именно. Все они ужасные.

– Сколько вам пришлось выпить? – спросила она. – Вы что, из грустных пьяниц?

– Понятия не имею, я не так часто напиваюсь. Но разве можно здесь грустить?

– Мне не грустно, – покачала головой Лайза.

– Значит, вы просто не обращаете внимания. – Линкольн почти кричал, так было шумно, и от этого казалось, что он сердится. – В смысле... Вы только посмотрите вокруг. Прислушайтесь к этой музыке.

– Вам не нравится рэп? По четвергам здесь играют кантри.

– Нет, это не музыка, – решительно качнул он головой. – Вы же сюда пришли, чтобы с кем-нибудь познакомиться, правильно? С каким-нибудь молодым человеком?

– Правильно.

– Точнее, не с каким-нибудь, а с нормальным молодым человеком, правильно?

Лайза опустила глаза на свой стакан:

– Правильно.

– Ну вот, когда вы думаете об этом молодом человеке – а мы оба знаем, что это не я, – когда думаете, где бы с ним познакомиться, неужели вы представляете себе такое место? Такое безобразное? Оглушительное? Неужели вам хочется, чтобы от него несло «Егермейстером» и сигаретами? Хотите танцевать с ним первый раз под песню о стриптизершах?

Лайза обвела глазами бар и снова пожала плечами:

– А что...

– Что? Ну конечно же нет.

– Не рассказывайте мне, чего я хочу. – Лайза заглянула в сумочку подруги в поисках сигареты.

– Вы правы, – ответил Линкольн. – Извините меня.

Она нашла сигарету и сунула ее в рот, не закуривая.

– А где еще прикажете знакомиться? – спросила она, смотря на танцоров. – Не в саду же?

– Разве плохо в саду? – спросил он. – Входную плату я бы взял на себя.

– Ну это как у мамы в церкви. – Лайза снова заглянула в сумочку подруги. – Мне кажется, если я познакомлюсь с молодым человеком, ну знаете, с таким, нормальным, то, наверное, мне будет пофиг, где я встретила его или там чем от него пахнет. Я, наверное, просто, ну, сильно обрадуюсь. – Она поднялась и закончила: – Знаете, очень приятно было с вами познакомиться. Пойду поищу зажигалку.

– О... а, ну да... – Линкольн было привстал, стукнулся головой о неоновую рекламу пива «Бад лайт» и снова сел. – И мне тоже было приятно.

Ему хотелось снова извиниться, но он не стал этого делать.

И не стал смотреть, как она уходит.

Час спустя, когда Джастин вернулся, Линкольн все так же сидел за столиком.

– Слушай, мне помощь нужна. Я сильно набрался, ехать не могу. Отвези мой грузовик домой, а?

– Я, наверное, не...

– Линк, честно говоря, я веду к себе Дену, – сказал Джастин и бросил на стол ключи.

– А как же другие ребята, твой брат...

– Они, по-моему, ушли.

– Что?

– Машину завтра заберу. Положи ключи под коврик и закрой все двери.

– Да я не...

Линкольн взял ключи, чтобы вернуть их Джастину. Но Джастин уже был таков.

На другой день, когда Линкольн спустился из своей комнаты в кухню, Ив уже сидела там за столом. Он скоротал ночь на заднем сиденье машины Джастина и, когда рассвело, поехал домой. Все еще ныла скрюченная шея, во рту было кисло-горько, как будто он наелся одновременно лакрицы и мяса в кислом соусе.

– А что это ты здесь делаешь? – спросил он.

– Для начала доброе утро. Я мальчишек привезла – пусть поиграют с мамой.

Линкольн обвел взглядом кухню и тяжело плюхнулся на стул рядом с сестрой.

– Они во дворе, крепость строят, – сказала Ив. – В духовке рулеты с яйцом. И еще рис жареный есть. Голодный?

Линкольн кивнул, но не пошевелился. Он уже размышлял обо всем, что сделает, когда соберется с силами и поднимется. Ну, скажем, снова ляжет в постель. Это было первое дело.

– Пил, – определила сестра, поднимаясь, чтобы достать ему тарелку. – Похоже, хорошо вчера было.

Ив стояла у плиты, помешивала рис и выглядела сейчас точной, только более молодой копией матери – и довольно старой молодой копией. В свои тридцать шесть Ив выглядела так же, как мать в сорок пять. «Морщинки появляются, когда ты за кого-нибудь в ответе», – говорила сестра, если матери не было поблизости. «У Ив усталый вид, правда ведь?» – спрашивала мать, не обращая внимания, рядом Ив или нет.

– Мама сказала, ты аж в семь утра заявился, – заметила сестра, протягивая ему тарелку. – Она просто рвет и мечет.

– С чего это она рвет и мечет?

– С того, что ты не звонил. Она полночи из-за этого не спала.

Линкольн осторожно положил кусок в рот, чтобы убедиться в благосклонности своего желудка.

– А что там, в этих рулетах с яйцом? – осведомился он.

– Понятия не имею. По-моему, козий сыр и еще, кажется, лосось.

– Вкусные какие!

– Да уж, – согласилась сестра. – Я целых четыре слопала. Ладно, не тяни, колись давай – где был всю ночь?

– В баре сидел с Джастином.

– Познакомился с кем-нибудь?

– Вот так прямо и сказать? – промычал он с набитым ртом. – Угу.

– Так ты с девушкой был?

– Нет. Я выпил, мне спать хотелось, и я завалился спать у Джастина в машине. Там на дорожке желтый внедорожник стоит еще?

– Нет, – с разочарованным видом ответила Ив.

– Что ты на меня так смотришь? – спросил Линкольн, чувствуя себя уже лучше. Может, он даже вымоется под душем, перед тем как лечь спать. – Тебе что, приятнее было услышать, что я всю ночь занимался сексом с девушкой, которую вечером снял в «Стальной гитаре»?

– Ты был в кантри-баре?

– Там кантри играют только по четвергам.

– А, ну это еще ничего... – Ив взяла с его тарелки рулет с яйцом. – Этого от тебя можно ждать – всю ночь говорить с девушкой, с которой познакомился в «Стальной гитаре». Много бы я дала, чтобы послушать.

– Ладно, – ответил Линкольн, подкладывая себе еще, – в следующий раз ты это и услышишь.

Глава 13

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонд

Дата: Понедельник, 06.09.1999, 10:14

Тема: ВСЕ ЗА «ГОЛДЕН ВИКИНГ»!

Зная, как горячо ты любишь спортивную секцию, подозреваю, что ты уже прочла, как в пятницу вечером «Норд хай викинг» прямо разгромили «Саутист банниз». Мы только не написали о том, как оживилась оборона «Викингов», когда группа заиграла свою «Whoomp!». Хороший вечер получился, зря ты его пропустила.

«**Бет – Дженнифер**»

1. Почему каждая школа в этом городе называется в честь директора? Жалко им, что ли, назвать что-нибудь в честь Джона Кеннеди, Авраама Линкольна, на худой конец, Бутроса Бутрос-Гали?

2. Митч сказал им играть из сборника «Jock James». И ему не стыдно?

«**Дженнифер – Бет**» Ну это же футбол. И потом, детям нравится. А ведь так круто – тубы играют «Whoomp». Как выходные? Видела Криса? Его группа играла что-нибудь из «Jock James»?

«**Бет – Дженнифер**» Да, у него соло на гитаре в «Тутси ролл». Выходные хорошие получились. В пятницу вечером я зашла послушать «Сакагавею» и досидела до конца. Некоторые песни я слышала в первый раз.

«**Дженнифер – Бет**» А Крис удивился, что ты пришла к ним?

«**Бет – Дженнифер**» Не-а.

«**Дженнифер – Бет**» Не-а? Все шифруешься. Я тут думала, почему ты не рассказываешь, как вы познакомились. У него была жена? Вы родня?

«**Бет – Дженнифер**» Да и да.

«**Дженнифер – Бет**» Ну вот опять. Недоговариваешь.

«**Бет – Дженнифер**» Извини. Просто...

Я знаю, как ты относишься к Крису, как вообще все к нему относятся. Поэтому неправильно рассказывать о нем слюнявые романтические истории. Прямо чувствую, как ты его презираешь.

«**Дженнифер – Бет**» Ну и как я к нему отношусь? И кто эти «вообще все»?

«**Бет – Дженнифер**» Он тебе не нравится.

А вообще все – это все, и больше ничего. Родители. Братья-сестры. Ты. Я тебя тоже включила.

«**Дженнифер – Бет**» Неправильно. Мне Крис нравится.

«**Бет – Дженнифер**» Но ты же думаешь, что я могу найти и получше.

«**Дженнифер – Бет**» Не совсем так.

Я тебя люблю. И желаю тебе счастья. А ты вовсе не счастлива. Вот я и думаю, из-за чего ты можешь быть несчастливой. По-моему, иногда Крис – причина твоих бед.

«**Бет – Дженнифер**» Иногда Митч – причина твоих бед.

«**Дженнифер – Бет**» Правда.

«**Бет – Дженнифер**» Ты думаешь: «Да, только...»

«**Дженнифер – Бет**» Извини. Я хочу, чтобы тебе было удобно рассказывать мне о Кресе – слюнявые истории, романтические, всякие. Я тебе все рассказываю – так хорошо, когда можно с кем-нибудь поделиться.

А если бы ты рассказала мне все слюнявые, романтические истории о Крисе, я бы поняла, почему ты миришься с такими проблемами, от которых я просто закатила бы глаза.

«**Бет – Дженнифер**» Хорошая мысль.

«**Дженнифер – Бет**» Так...

«**Бет – Дженнифер**» Так?

«**Дженнифер – Бет**» Так вперед – рассказывай мне что-нибудь слюнявое и романтическое. Хотя бы как вы познакомились.

«Однажды, когда все семейство собралось вместе, я познакомилась с женатым мужчиной...»

«**Бет – Дженнифер**» Для дружбы вовсе необязательно, чтобы он тебе нравился. Пока я тебе нравлюсь, между нами все в порядке.

«**Дженнифер – Бет**» Я хочу, чтобы он мне нравился.

«**Бет – Дженнифер**» Зря я написала, что Митч – причина твоих бед. Я Митча люблю. Прости.

«**Дженнифер – Бет**» Ничего страшного. Ты права. Митч действительно иногда причина моих бед, и из-за этого ты не настраиваешь себя против него.

«Однажды, когда все семейство собралось вместе...»

«**Бет – Дженнифер**» Ну слушай. Мы познакомились в Студенческом союзе.

«**Дженнифер – Бет**» Да ладно!

«**Бет – Дженнифер**» Мы там занимались – у нас «окно» было от 9:30 до 11:30.

До того я встречала его в кампусе. Он всегда был в желтой майке и в гигантских наушниках. Человек в таких наушниках как будто говорит: «Мне все равно, что на мне надето. Может, я даже забыл сегодня причесаться и умыться. Но слово „Музыка“ для меня с большой буквы. Как „Бог“».

Ну что, уже закатываешь глаза?

«**Дженнифер – Бет**» Издеваешься? Страшно люблю любовные истории. Давай дальше.

«**Бет – Дженнифер**» Ну вот... Значит, я его уже встречала. Волосы у него были, как у Эдди Веддера, – рыжие, перепутанные. Он был совсем тощий – гораздо худее, чем сейчас, – а под глазами вечно синели круги. Типа слишком крут он, чтобы пить и спать.

Мне показалось, что он витает в облаках.

Для себя я назвала его Мальчик В Наушниках и просто не поверила своему счастью, когда оказалось, что мы с этим мальчиком занимаемся в Союзе в одно и то же время.

Вернее, занималась только я. Он вытаскивал из кармана книжку в бумажной обложке и читал. Учебников у него никогда не было. А иногда просто сидел с закрытыми глазами и слушал музыку, постукивая ногой. У меня в голове шевелились грешные мысли.

«**Дженнифер – Бет**» Дальше, дальше! Неужели так и остановишься на грешных мыслях?

«**Бет – Дженнифер**» Остановлюсь. Тут Пэм как раз пришла. Закрывается старый кинотеатр, «Индиан-Хиллс». А в нем, между прочим, один из последних в стране стереоскопических экранов. Не могу поверить, что его хотят закрыть! Я там смотрела все четыре серии «Звездных войн». Надо бы как-нибудь досмотреть до конца.

Пэм хочет, чтобы к утру статья была готова. Так что у меня дедлайн, как у настоящего репортера. Нет у меня времени на любовные истории.

«**Дженнифер – Бет**» Согласна, предлог уважительный. На сегодня. Но потом ты мне доскажешь.

«**Бет – Дженнифер**» Доскажу, честное слово.

Глава 14

Линкольн ни за что в жизни не пошлет предупреждение Дженнифер Скрибнер-Снайдер и Бет Фремонт.

Себе он может чистосердечно в этом признаться. Он даже не собирался посылать им предупреждение. Потому что они ему нравились. Он считал их нормальными, умными и прикольными. Прикольными, да, – иногда, сидя за своим столом, он смеялся от души, читая их послания. Ему нравилось, как они поддразнивают друг друга, как берегут одна другую. Он хотел бы завести на работе друга, с которым можно было бы поговорить вот так, запросто.

Ладно. Вот так должно бы быть. Он вообще не собирался посылать им предупреждение.

А следовательно... Итак, значит... У него технически, а лучше сказать, этически нет повода читать их переписку.

И Линкольн раз и навсегда сказал себе, что, пока все держится в пределах нормы, в его работе, то есть в работе подглядывать и подслушивать, нет ничего предосудительного. Пока подглядывать и подслушивать не будет ему в удовольствие.

Теперь же Линкольн читал именно *с удовольствием*. Он все время надеялся, что переписку Бет и Дженнифер уловит фильтр. И каждый раз, замечая их имена в папке WebFence, чувствовал, как улыбается во весь рот. Когда выдавалась более-менее спокойная ночь, он перечитывал их письма по два раза.

Раз или два Линкольн даже подумал, а не завести ли для них личные папки и читать любое их письмо всякий раз, когда сильно захочется.

Не в смысле – просто захочется. И не то чтобы он стал это делать. Это было бы очень странно.

«Это и есть странно», – подумал он.

Надо бы бросить читать их письма. Если он не намерен читать их переписку, надо перестать, надо.

«Хорошо, – сказал себе Линкольн, – перестаю».

Глава 15

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонт

Дата: Вторник, 07.09.1999, 9:56

Тема: Хорошая статья

И даже на первой полосе. Держишь марку, молодец.

«**Бет – Дженнифер**» Ну спасибо. С новыми редакторами здорово было работать. Все прямо закипело. Я себя почувствовала просто-таки Лоис Лейн.

«**Дженнифер – Бет**» А так ты себя чувствуешь Роджером Эбертом?

Вот угадай, кто придумал заголовок?

«**Бет – Дженнифер**» Раз ты уж о нем вспомнила, он получился удачным. Скажу даже – содержательным. Чак, скорее всего.

«**Дженнифер – Бет**» Забавно.

«**Бет – Дженнифер**» Слушай, из нас с тобой хорошая команда получилась. Мы должны объединить усилия и... издавать свою газету или что-нибудь в этом роде.

«**Дженнифер – Бет**» Сегодня за завтраком Митч прочитал твою статью и прямо кипятком писал от восторга. Он очень любит этот кинотеатр: шесть раз в нем «Балбесов» смотрел – девушка из седьмого класса, с которой он дружил, с ума сходила от Кори Фельдмана. Он сказал, что на экране «Синерамы» любой фильм покажется хорошим.

«**Бет – Дженнифер**»

1. Митч дружил с девушкой из седьмого класса? Не надо «ля-ля».

2. Надеюсь, он не хотел сказать, что «Балбесы» – плохое кино. Мне в нем очень нравится Марта Плимптон, и Кори Фельдман сыграл просто отлично. Он несколько не заслужил стать героем анекдотов. Смотрела «Останься со мной»? «Предместье»? «Лис и пес»?

3. Очень милую картину представляю себе: вы вместе читаете газету за завтраком. Настоящая домашняя идиллия.

«**Дженнифер – Бет**» Ну только не сегодня утром.

Я читала страницу внутренних новостей, там была статья о матери, которую сын связал из-за того, что она отказалась покупать ему «PlayStation», и я говорю: «Ну вот, еще один аргумент за то, чтобы не иметь детей». И Митч прямо фыркнул – именно фыркнул! – и спросил: «Ты список, что ли, составляешь? Причины, по которым нам нельзя иметь детей».

Я ответила, что нечего ему валять дурака, а он сказал: «Это не я валяю, а ты. Я знаю, что ты не готова к ребенку. Не нужно это в себя втирать». – «Что втирать? – не врубилась я. – Ты поранился?»

Митч буркнул, что устал и чтобы я не брала ничего в голову. «Я тебя люблю, – сказал он. – Ну все, пошел на работу». Я ответила, чтобы он не говорил так, будто искал повод встать из-за стола. Он спросил: «Так лучше было бы обойтись без „я тебя люблю“?»

Я ответила: «Нет, надо говорить „я тебя люблю“, когда любовь переполняет тебя так, что молчать просто нельзя. Лучше бы ты ушел сердитый на меня».

Митч сказал, что сердится не на меня, а на всю эту ситуацию. Ситуацию с детьми. Точнее, с их отсутствием.

Но все это заварилось из-за меня. Я так и сказала: «Ты же на меня сердишься».

«Ну хорошо, – ответил он. – Я сержусь на тебя. Но я тебя люблю. И мне нужно на работу. Пока-пока».

А потом я стала волноваться, что по дороге на работу он может попасть в аварию и я до конца жизни буду раскаиваться, что не сказала ему: «И я тебя люблю».

Я нарочно не стала принимать фолиевую кислоту после завтрака – назло нам обоим.

«**Бет – Дженнифер**» Когда ты начала принимать фолиевую кислоту?

«**Дженнифер – Бет**» После того, как в последний раз испугалась беременности. Кажется, это просто еще одна лишняя болячка. Как думаешь, мне позвонить Митчу, извиниться?

«**Бет – Дженнифер**» Да.

«**Дженнифер – Бет**» А я не хочу. Он первый начал.

«**Бет – Дженнифер**» Может, все твои страхи беременности начинают передаваться ему?

«**Дженнифер – Бет**» Передаются! Точно передаются. Я его не виню. Но просить прощения плохо умею, а когда пробую, все заканчивается еще хуже, чем начиналось. Скажу вот: «Прости», буду вся такая белая и пушистая, но когда получу свое прощение, обязательно скажу: «Но ты ведь первый начал».

«**Бет – Дженнифер**» Это просто ужасно, не делай так. Вот что сказала бы твоя мама.

«**Дженнифер – Бет**» Вот что моя мама говорила мне, наверное, миллион раз.

Я это унаследовала. Я генетически запрограммирована быть ужасной личностью.

Кстати, о маме... В прошлые выходные я имела глупость сказать ей, что мы с Митчем ссоримся насчет того, заводить ли детей. И она вздыхает... Ты ведь знаешь, как она вздыхает? Как будто воздушный шарик сдувается. Ну вот. Она вздыхает и говорит: «Вот так все и начинается. Ты лучше на себя посмотри».

Все – это, конечно, развод. Она уверена, что склонность к нему я унаследовала от нее вместе с торчащими вперед зубами и злыми извинениями. Она просто выжидает. Она как будто тыкает в мой брак зубочисткой: вот-вот, мол, и все!

И я промычала что-то вроде: «Правда, мама? Все начинается со ссор? Я-то думала, все началось с учителя, который у меня был в третьем классе».

Вот с этого и начался ее развод. Хотя можно утверждать, что развод моих родителей начался в день их скоропалительной женитьбы и роман отца с миссис Гренди был скорее симптомом, а не болезнью.

После этого едкого замечания мы с матерью поссорились, я наговорила ей всякого, а она мне ответила: «Говори, что тебе угодно, Дженнифер, но мы же прекрасно знаем, кто будет собирать осколки, когда все разлетится вдребезги».

Я гнула свое, а тут в комнату входит Митч и, не зная, из-за чего это все, заявляет: «Не нравится мне, как ты говоришь. Ведь это же твоя мать».

А я не могла ответить: «Она ведь думает, что ты от меня уйдешь, и в будущем разводе она заранее на твоей стороне». И я молча, хмуро на него смотрела.

В воскресенье мама снова позвонила и говорила так, как будто между нами совершенно ничего не случилось. Она просила меня свозить ее в торговый центр, настаивала, что купит мне в «Сирсе» красный свитер, за который я, наверное, заплачу в следующий раз, когда она не сумеет воспользоваться своей карточкой «Сирса».

«**Бет – Дженнифер**» Этот свитер на тебе сегодня? Ты его в «Сирсе» купила? Клевый!

«**Дженнифер – Бет**» Не отвлекай меня. Спасибо. Правда ведь клевый?

«**Бет – Дженнифер**» Чудачка твоя мама. Твой брак совсем не такой, как у нее. И жизнь совсем не такая, как у нее. В твоем возрасте она уже успела выйти замуж, развестись и остаться с десятилетней дочерью на руках.

«**Дженнифер – Бет**» Знаю, но моя мама имеет обыкновение видеть все с плохой стороны. Она все думает, что я поздно расцвела – своими руками разрушаю свою жизнь, а у нее не хватает терпения на это смотреть.

Я помню, мне было за восемнадцать – в этом возрасте у нее уже была я – и я все думала: «Ну вот... Дожила аж до девятнадцати лет и не забеременела». Как будто все дело в том, чтобы забеременеть. В девятнадцать я еще даже не целовалась.

«**Бет – Дженнифер**» Правда? А во сколько же это случилось?

«**Дженнифер – Бет**» В двадцать. Жалкая была картина. Мальчишки не любят с толстыми целоваться.

«**Бет – Дженнифер**» Ну это не так. Есть же любители шоу Джерри Спрингера, есть же президент Клинтон...

«**Дженнифер – Бет**» Заметь: никто из тех, с кем я хотела целоваться, не хотел целоваться с толстой девушкой.

«**Бет – Дженнифер**» Могу поспорить, что ты не дала никому ни единого шанса. Митч говорит, что ты его чуть ли не палкой отгоняла.

«**Дженнифер – Бет**» Я хотела избавить его от себя.

«**Бет – Дженнифер**» Как же он тебя победил?

«**Дженнифер – Бет**» Он просто не давал мне проходу. На занятии по сочинению стихов он подсаживался ко мне и спрашивал, какие у меня планы на обед. Можно подумать, я горела желанием посмотреть, как жует этот накачанный блондин.

«**Бет – Дженнифер**» Так его и вижу сейчас. Деревенский парень с широкими сексуальными плечами, точно у трубача, в шляпе, которые бесплатно раздают в сельских кооперативах, в джинсах «Вранглер» в обтяжку. Помнишь, были такие стикеры в колледже насчет девчонок, которые с ума сходят по тем, кто такие джинсы носит?

«**Дженнифер – Бет**» Да. И когда я об этом вспоминаю, то жалею, что не уехала в другой колледж. В Филадельфии где-нибудь. Или в Нью-Джерси.

«**Бет – Дженнифер**» Но если бы ты уехала в Нью-Джерси, то никогда не познакомилась бы с Митчем. Не стала бы здесь работать. Не встретила бы меня.

«**Дженнифер – Бет**» Митч говорит, что встретить меня – это была судьба. Говорит, я могла бы вернуться, прожить всю жизнь заново и в конце концов выйти за него.

«**Бет – Дженнифер**» Вот видишь! Он совсем не как твой отец. Он чудесный. Хотела бы я, чтобы мы подружились еще в колледже. И почему, непонятно.

«**Дженнифер – Бет**» Наверное, потому, что я была толстая.

«**Бет – Дженнифер**» Глупости какие! У меня на уме тогда был один только Крис, и мне было совсем не до новых подружек.

«**Дженнифер – Бет**» А я была слишком занята работой в «Дейли». Я даже не знала никого с других старших курсов, не журналистских, пока не стала встречаться с Митчем и его музыкальными ребятами.

«**Бет – Дженнифер**» Но я-то как раз была на старшем курсе! Вот еще чего я ни разу не делала, потому что была по уши в романе: никогда не писала для школьной газеты.

«**Дженнифер – Бет**» Ты ничего не потеряла, уж поверь мне. Настоящий террариум. Террариум пьяных гадюк.

Знаешь что... вот мы сейчас треплемся о колледже, мне нечего редактировать, ты таешь от счастья, что такой удачный заголовок на первой странице.

Самое время приняться за роман о Бет.

«**Бет – Дженнифер**» Скорее уж роман о Крисе.

«**Дженнифер – Бет**» Роман о мальчике в наушниках. Желтая майка, книжка в бумажной обложке. Вот они, грешные мысли, – тут как тут.

«**Бет – Дженнифер**» Хм... Ну да. Так вот... В Студенческом союзе. Крис всегда садился в угол. А я – через один ряд, три места наискосок. Я стала пораньше заканчивать занятия, чтобы успеть привести себя в порядок и как бы случайно расположиться на своем месте перед тем, как покажется он.

Крис никогда на меня не смотрел – к моей огромной радости, он вообще ни на кого не смотрел – и никогда не снимал наушников. Я все гадала, что за музыку он может слушать, и будет ли она играть на первом танце нашей свадьбы, и будет ли у нас обычная свадеб-

ная фотография или черно-белая. Наверное, все-таки черно-белая, как в модных журналах. А еще много-много чуть смазанных фоток, где мы обнимаемся, романтически глядя куда-то вдаль.

Само собой, Мальчик В Наушниках и так уже глядел куда-то вдаль, и моя подруга Линн объясняла это тем, что он завтракает с Мэри Джейн.

«**Дженнифер – Бет**» А потом?

«**Бет – Дженнифер**» Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Не можешь поверить, что я связалась с наркоманом, заранее зная об этом.

«**Дженнифер – Бет**» Я знала, что связываюсь с парнем, который играет на трубе. Давай заканчивай.

«**Бет – Дженнифер**» Сначала я была уверена, что он ощутил, как нас свели космические силы. Мне хотелось быть с ним и казалось, что сердце с каждым ударом все сильнее тянется к нему. Это была судьба. «Он был магнит, я – сталь», как Уолтер Эган пел.

Все началось в сентябре. Как-то в октябре зашел его друг и позвал: «Крис!» Хотя бы имя узнала. Прямо «Вестсайдская история»: «Скажешь громко – оркестр услышишь, Скажешь тихо – мольба пред Всевышним»². В ноябре, во вторник вечером, я увидела его в библиотеке. Четыре вторника подряд я проторчала там в надежде, что это у него такое расписание. Нет, я ошиблась. Иногда я позволяла себе ходить за ним на занятия в 11:30 в Эндрюс-Холле, а потом сломя голову бежала через весь кампус, чтобы не опоздать на свое занятие в Темпл-билдинг.

К концу семестра я уже давно миновала тот этап, когда можно было начать естественный, непринужденный разговор. Я прекратила попытки поймать его взгляд. Я даже стала встречаться с одним парнем из братства «Сигма Эпсилон», с которым познакомилась на лекции по социологии.

Но от того, чтобы в 10:30 видеть Мальчика В Наушниках, никак не могла отказаться. Я понимала, после рождественских каникул у нас будут разные расписания и тогда все – конец. Я дождусь и лишь затем продолжу.

«**Дженнифер – Бет**» Мне нравится. Ты ведешь к тому, что все надежды потеряны. Интригует.

«**Бет – Дженнифер**» Все надежды и были потеряны.

А потом... за неделю до выпускных экзаменов я, как обычно, пошла в Союз и увидела, что на моем месте сидит Крис. Наушники болтались у него на шее, он смотрел, как я подхожу. По крайней мере, мне казалось, что смотрел. Раньше он не бросил на меня и взгляда – вообще никогда! – и от одной этой мысли у меня загорелись щеки. Не успела я придумать, где бы мне обосноваться, как он заговорил со мной.

«**Дженнифер – Бет**» Он что, сказал: «Перестань бегать за мной, психопатка»?

«**Бет – Дженнифер**» Ничего подобного. Он сказал:

– Привет.

И я сказала:

– Привет.

А он сказал:

– Знаешь что... – (Глаза у него были зеленые. Он как бы прищурился, когда говорил.) – В следующем семестре у меня занятие в 10:30, поэтому нам, наверное, нужно встречаться в другое время.

Я тупо помолчала и, обретя снова дар речи, спросила:

– Шутишь?

– Нет, – ответил Крис, – приглашаю на свидание.

---

² Перевод М. Парыгина. – *Примеч. перев.*

– Тогда отвечаю – да.

– Хорошо, – сказал он, – мы могли бы пообедать. Ты можешь так же сидеть напротив меня. Все будет так же, как утром во вторник. Только с хлебными палочками.

– А вот теперь шутишь!

– Теперь – да, – ответил он с улыбкой.

И все закрутилось. Мы встретились в следующие выходные. И в следующие. И в следующие. Все было дико романтично.

«Дженнифер – Бет» Вот это да... Круто! В смысле – здорово! А он догадывался, что ты все это время на него смотрела?

«Бет – Дженнифер» По-моему, да. Это ведь Крис. Он не спешит. Никогда не раскрывает свои карты. Всегда первым отключается.

«Дженнифер – Бет» То есть?

«Бет – Дженнифер» Когда мы еще только начинали говорить по телефону, он всегда первым заканчивал разговор. Когда мы целовались, первым всегда отстранялся он. И этим доводил меня до грани сумасшествия. Чувство было такое, что я его слишком сильно хочу, и от этого мне хотелось его еще больше.

«Дженнифер – Бет» Как-то это все болезненно.

«Бет – Дженнифер» Болезненно, но и чудесно. Хорошо, когда так сильно чего-нибудь хочешь. Я думала о нем так, как думаешь об обеде, если не ел дня полтора. Буквально душу продашь!

«Дженнифер – Бет» Никогда еще не оставалась без еды полтора дня.

«Бет – Дженнифер» Даже когда болела простудой или чем-то вроде?

«Дженнифер – Бет» Ну, может, разок... А что стало с тем парнем из «Сигмы Эпсилон»?

«Бет – Дженнифер» Ой... Это был сплошной кошмар. Помню, я все сказала ему только в воскресенье днем. Почти девять часов у меня было два парня. Не то чтобы тогда я называла Криса своим парнем. Мне не хотелось его пугать. Первый год был не очень понятным. Казалось, на меня опустилась бабочка. Чуть пошевелюсь, чуть сильнее, чем обычно, вздохну – и все, он улетит. Так я думала.

«Дженнифер – Бет» Это потому, что он всегда отключался первым?

«Бет – Дженнифер» Да, и поэтому тоже. Я никогда не знала наперед, когда мы встретимся или когда он позвонит. Бывало, мы целую неделю не разговаривали. А потом я находила записочку под дверь. Или листок. Или слова песни на спичечном коробке.

Или самого Криса. В среду вечером он стоял, опершись на мою дверь, и ждал, когда я вернусь с лекции по экономике. Он мог стоять так пятнадцать минут. Мог уйти вечером, только я засну. Мог уговорить меня до конца недели не ходить на занятия. Мы могли выйти из комнаты только в воскресенье вечером, когда у меня закончились все запасы сальсы, фруктового льда и диетической колы.

Он заставлял меня понервничать. Я то и дело высовывалась из окна, стараясь притянуть его к себе. Я брала напрокат фильмы о девушках, которые жевали свои волосы и краснели пятнами.

Счастливее, чем тогда, я потом не была.

«Дженнифер – Бет» Кажется, я догадалась, почему мы не подружились в колледже. Ты как будто боялась.

«Бет – Дженнифер» Не боялась – ничего вокруг себя не замечала.

«Дженнифер – Бет» Боялась и ничего вокруг себя не замечала.

«Бет – Дженнифер» У меня только одно было на уме. Я знала, чего хотела в жизни. Хотела я Криса. И так было легко, что не отвлекаешься ни на что другое. Никаких тебе скучных побочных сюжетных линий.

А у тебя с Митчем ничего такого не было?

«Дженнифер – Бет» Вообще ничего.

Ну, то есть с ума я сходила – это да. Но, вообще-то, он увлекся сильнее меня, и поэтому, наверное, мы до сих пор вместе. Мне нужно было, чтобы Митч ничего от меня не скрывал. Я не была уверена вообще ни в чем, и мне требовалось, чтобы он барабанил мне в дверь и заваливал всю комнату цветами.

«Бет – Дженнифер» А он и правда заваливал всю комнату цветами?

«Дженнифер – Бет» Да. Гвоздика – тоже цветок.

«Бет – Дженнифер» Хм... В теории – да, все прекрасно и чудесно. Но на практике меня притянуло к Крису, поскольку он ничего такого не делал. Он никогда бы не сделал ничего романтического в обычном понимании этого слова. И не только потому, что ему не хотелось поступать так, как все, но у него было – и есть – чутье совершенно не такое, как у других парней. Все равно что встретаться с человеком, который свалился с луны.

«Дженнифер – Бет» Рада, что ты наконец рассказала мне об этом. Меня раздражало, что есть большая часть жизни, о которой мы не могли говорить.

Другими словами, думаю, ты не будешь волноваться, как бы я не раззвонила всю эту историю и не стала в пьяном виде приставать к Крису. Он сделал меня неуверенной в себе.

«Бет – Дженнифер» То же самое – рада, что мы поговорили об этом. Но не то же самое насчет приставаний в пьяном виде. Митч – парень горячий.

«Дженнифер – Бет» Ну, теперь моя очередь закатить глаза!

Глава 16

Они, должно быть, примерно одних с ним лет. Дженнифер, Бет, друг Бет. В районе двадцати восьми. Может, они вместе учились в колледже. Потом Линкольн поступил в государственный университет, потом Сэм порвала с ним, а Линкольн долго еще оставался в университете, учился на разных курсах. Вполне возможно, в колледже он встречался с Бет.

Вполне достаточно, чтобы остановиться. Вполне достаточно, чтобы технически, а лучше сказать, этически знать, что делать.

Линкольну хотелось бы выбрасывать сообщения Бет и Дженнифер, как только они появлялись в папке WebFence. Но... он не стал этого делать. Он открывал их и читал не отрываясь, снова и снова, снова и снова.

«Затягивает», – подумал Линкольн, прочтя, как Бет познакомилась со своим другом. Он прочитал еще раз, несколько минут подумал об этом, подумал о них, стараясь представить, как они могли выглядеть. Как могла бы выглядеть она.

«Затягивает, – снова подумал он. – Ничего хорошего, правда? Но... может быть, это не так уж и плохо...»

Глава 17

От: Дженнифер Скрибнер-Снайдер

Кому: Бет Фремонт

Дата: Пятница, 10.09.1999, 13:23

Тема: Селечочная запеканка

Тебе нельзя позволять есть на работе рыбу. Клянусь, после того, как работает Тони, я воняю, точно рыбак с путины. Я знаю, он родом из Род-Айленда, а там рыбу могут есть круглые сутки, но должен же он сообразить, что не всем, кто рядом, нравится это амбре.

«**Бет – Дженнифер**» Я видела, как ты ешь рыбные палочки. И креветки в панировке из попкорна.

«**Дженнифер – Бет**» И то и другое покрыто специальной корочкой для жарки. Я буду есть рыбу, обработанную до неузнаваемости, но ни за что не стану делать это на работе. Я даже попкорн здесь не ем. Не хочу, чтобы запахи от моей еды раздражали других.

«**Бет – Дженнифер**» Очень заботливо.

Меняю вонь апельсинового дезодоранта Тони на ежедневную стрижку ногтей Тимом.

«**Дженнифер – Бет**» Я думала, ты украла его кусачки.

«**Бет – Дженнифер**» Украла. У него теперь новые. Не знаю, что меня больше бесит – это вечное щелканье или мысль о том, что вся его комнатка завалена обрезками ногтей.

«**Дженнифер – Бет**» Теперь мы знаем, где искать, если понадобится образец ДНК Тони для установления отцовства или для колдуньи вуду.

«**Бет – Дженнифер**» Если нам понадобится образец ДНК Тони для установления отцовства, одну из нас стоит сбросить со скалы.

А помнишь, нам приходилось уходить со своих мест, чтобы вот так поговорить?

«**Дженнифер – Бет**» Мне кажется, мы так никогда и не говорили. Я, помню, вторгалась во владения репортеров, только если на языке висела отличная сплетня или если уж до зарезу нужно было поболтать.

«**Бет – Дженнифер**» Или если кто-нибудь приносил печенье. Помнишь ту даму, которая сидела в углу и все время приносила печенье? Где она теперь?

«**Дженнифер – Бет**» Та, что репортажи из мэрии писала? Я слышала, ее уволили, когда узнали, что в сумке у нее всегда лежит заряженный пистолет.

«**Бет – Дженнифер**» А кому какое дело? Пока он в сумке лежит.

«**Дженнифер – Бет**» Ничего себе! Не тридцать же там сребреников. Просто печенье.

«**Бет – Дженнифер**» Да. С корицей. «Сникердудлс» называется.

Глава 18

После обеда Грег представил Линкольну студентов колледжа, которых он принял для работы над проектом «Проблема 2000». Их было трое – один из Вьетнама, другой из Боснии, третий из пригорода. Линкольн не мог понять, сколько им лет. По крайней мере, намного меньше, чем ему.

Грег пошутил:

– Вот тебе, бригадир, международная ударная бригада.

– Я-то бригадир? – спросил Линкольн. – Как это понимать?

– Так понимать, что ты должен обеспечить их работой, – сказал Грег. – Если бы я понимал в кодировании, то был бы бригадиром. Думаешь, просто не хочу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.